

С. Н. ПЛАУТИНЪ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ

ИСПРАВЛЕННЫЙ И НЕИСПРАВЛЕННЫЙ ТЕКСТЫ

ПЕРЕВОДЪ И ПРИМЪЧАНІЯ

ПАРИЖЪ 1958

ИЗДАНИЕ РУССКАГО НАУЧНАГО ИНСТИТУТА
ПРИ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЪ
ВЪ ПАРИЖЪ

ВЫПУСКЪ № 1.

С. Н. ПЛАУТИНЪ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ

ИСПРАВЛЕННЫЙ И НЕИСПРАВЛЕННЫЙ ТЕКСТЫ

ПЕРЕВОДЪ И ПРИМЪЧАНІЯ

ПАРИЖЪ 1958

ИЗДАНИЕ РУССКАГО НАУЧНАГО ИНСТИТУТА
ПРИ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЪ
ВЪ ПАРИЖЪ

ВЫПУСКЪ № 1.

В С Т У П Л Е Н І Е

Предлагаемая вниманию работа --- плодъ долгаго, упорнаго, нескончаемаго труда. С. Н. Плаутинъ занимается «Словомъ» очень много лѣтъ. Печаталъ онъ немного, главнымъ образомъ, опубликовывая свои находки въ изданіяхъ литографированнаго типа, но имя его хорошо извѣстно «игоревистамъ». Труды его нашли давно должную оцѣнку въ кругахъ специалистовъ, что выразилось хотя-бы въ присужденіи ему «The Academic Council and Senate American International Academy» особаго диплома.

Однако, только вѣроятно пишущему эти строки извѣстна та невѣроятная энергія и любовь, которые вложены С. Н. Плаутинымъ въ свое изслѣдованіе о «Словѣ». Дѣло въ томъ, что съ конца 1948 г., т. е. скоро уже 10 лѣтъ, какъ мы состоимъ въ непрерывной перепискѣ о «Словѣ» отъ письма къ письму.

Въ этой перепискѣ мнѣ открылась вся лабораторія научной мысли его. Не было кажется слова, которое С. Н. не анализировалъ бы со всѣхъ сторонъ: филологически, въ смысловомъ или контекстномъ отношеніи.

Нечего грѣха таить: копій въ нашей перепискѣ поломано было немало, но эта непрестанная битва показала мнѣ какой глубокой любовью, цѣлкостью въ познаніи истины проникнута вся работа С. Н. Я преклоняюсь передъ его влюбленностью къ «Слову».

Казалось-бы, часто, выраженіе «Слова» совершенно ясно. Нѣтъ, онъ копается, переворачиваетъ его на сотни ладовъ и, наконецъ, ...дѣлаетъ ошибку, вновь возвращается, переоцѣниваетъ и... нерѣдко дѣлаетъ замѣчательное открытіе.

Изъ многихъ изъ нихъ я запомню только два: 1) всѣ читали — «ночь стонучи ему грозою»..., С. Н. правильно понялъ, — «ночь станучи ему грозою»... и вся картина рѣзко измѣнилась; цѣлый отрывокъ совершенно измѣнилъ свой смыслъ; 2) всѣ не понимали значенія выраженія: «по вся утра уши закладаше», С. Н. нашелъ вѣрное значеніе слова «ухо», — это не только органъ слуха, но и отверстіе вообще, внутренній ходъ, «проушина» современныхъ строителей.

Крупной заслугой С. Н. является то, что работа его является всесторонней: изслѣдованъ грамматическій строй cadaго слова и выраженія, каждое слово провѣрено въ согласіи со всѣми новѣйшими грамматиками древне-славянскаго и древне-русскаго языковъ.

Возстановленъ персональный аспектъ всей эпохи, — никто такъ глубоко не знаетъ родственныхъ связейъ русскихъ князей, по мужской-ли или по женской линіи, какъ С. Н. Плаутинъ. Дѣйствующія лица «Слова» для Плаутина живыя, конкретныя лица, а не вымышленныя имена, какъ прежде это склонны были принимать многіе.

Этотъ реальный подходъ позволилъ С. Н. по иному, исторически вѣрно, возстановить дѣйствительную картину событій, упомянутыхъ прямо или косвенно въ «Словѣ».

С. Н. Плаутинъ проявилъ невѣроятное упорство и изобрѣтательность въ толкованіи многихъ мѣстъ «Слова» и во многихъ случаяхъ вышелъ несомнѣнно побѣдителемъ.

Да не подумаетъ читатель, что все въ этой работѣ безошибочно и вѣрно, ошибки есть, но не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаеть. С. Н. въ этомъ отношеніи можетъ быть поставленъ въ примѣръ, какъ «любитель», сдѣлавшій гораздо больше, чѣмъ многіе профессионалы, и приобрѣтшій, постоянной упорной работой такія знанія, которыми можетъ позавидовать любой дипломированный профессоръ.

Нынѣ С. Н. выступаетъ съ итогами своей многолѣтней работы. Когда мнѣ стало извѣстно намѣреніе С. Н. печатать его изслѣдованія, у меня, естественно, явилось желаніе написать, какъ собрать, нѣсколько напутственныхъ строкъ къ его труду, я получилъ любезное согласіе и дѣлаю это съ величайшимъ удовольствіемъ.

Меня радуетъ не только крупный шагъ впередъ въ изслѣдованіи «Слова», но и то, что этотъ шагъ сдѣланъ в зарубежѣ, какъ символъ неугасимой любви къ родинѣ, какъ знакъ, что «есть еще порохъ въ пороховницахъ».

Я желаю отъ всего сердца успѣха этой упорной, талантливой, исполненной безконечной любви къ дѣлу работѣ.

И я знаю: не остановится на ней, напечатать это изслѣдованіе, онъ завтра же начнетъ искать дальнѣйшихъ поправокъ, объясненій, открытій...

Мнѣ кажется, что именно къ нему приложимы слова, сказанныя мной въ одномъ изъ моихъ рассказовъ: «а вѣдь главное, что есть въ человѣкѣ, — это мысль, мысль непрестанно ищущая».

Сергѣй Лѣсной.

Задача настоящего труда внести исправленія въ существующіе переводы «Слова о полку Игоревѣ», а также освѣтить темныя мѣста, которыя до сихъ поръ не разгаданы или объяснены неправильно. Значеніе словъ выяснялъ, пользуясь словарями Ф. Миклошича и И. И. Срезневскаго и богатымъ архаизмами сербскимъ языкомъ. Для перевода предварительно устанавливалъ число и падежъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ и время, число, лицо и наклоненіе глаголовъ. Переводилъ не «по смыслу», не по догадкамъ, а на основаніи твердыхъ и опредѣленныхъ данныхъ, но нѣкоторыя поврежденныя переписчиками слова и фразы пришлось перевести при помощи болѣе или менѣе убѣдительныхъ предположеній. Примѣчанія въ трудахъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія на родинѣ и въ зарубежѣ, мною широко использованы. Для исправленія дошед-

шаго до насъ текста я воспользовался «Очерками по Исторіи Русскаго Литературнаго Языка» академика С. П. Обнорскаго (изд. въ Москвѣ въ 1946 г.), реконструированнымъ текстомъ профессора Р. О. Якобсона въ сборникѣ «La geste du Prince Igor». (изд. въ Нью-Йоркѣ въ 1948 г.) и «Исторіей Древне Русскаго Языка» Л. П. Якубинскаго (изд. въ Москвѣ въ 1953 г.). Церковно славянскія формы замѣнены древне-русскими. Модернизмы и провинциализмы переписчиковъ также замѣнены соответствующими формами древне-русскаго языка. Надѣюсь, что изслѣдователи «Слова о полку Игоревѣ» обратятъ вниманіе на положительную сторону моего труда и отмѣтятъ въ своихъ работахъ то, что по ихъ мнѣнію ошибочно и неубѣдительно въ моемъ изслѣдованіи. Считаю долгомъ принести С. Я. Парамонову мою глубокую благодарность за его цѣнныя указанія. Рядъ комментаріевъ заимствованъ мною изъ его изслѣдованія о «Словѣ» (Сергій Лѣсной: «Слово о полку Игоревѣ», изд. въ Парижѣ въ четырехъ выпускахъ въ 1950-1953 гг.).

Считаю также должнымъ выразить благодарность моему типографу И. А. Алону за его добросовѣстное и безукоризненное напечатаніе моего труда.

С. Н. Плаутинъ.

СЛОВО

О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ,
ИГОРЯ СЫНА
СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо речъ първыхъ временъ усобицѣ; тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсъ поше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки Касожскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщія пушаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны

СЛОВО

О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ,
ИГОРЯ, СЫНА
СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВЪНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣпо ли ны бяше, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии (пѣснь) ю пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича. Начяти же ся тои пѣсни по былинамъ сего веремени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщии, аже кому хотяше пѣснь творити, то ростѣкаше ся мыслию по древу, сѣрымъ вълкъмъ по земли, сизымъ орьльмъ подъ оболокы. Помняше бо рѣчь първыхъ веремени усобицѣ, тѣгда пушаше десять соколъ на стадо лебедии. Которыѣ дотечаше, та преди (сѣмърти) пѣснь пояше старому Ярославу, хороброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю передъ пълки касожскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не десять соколъ на стадо лебедии пушаше, нъ своѣ вѣщѣ пър-

СЛОВО

ОБЪ ИГОРЕВОМЪ
ПОХОДЪ, ИГОРЯ,
СВЯТОСЛАВОВА СЫНА,
ОЛЕГОВА ВНУКА.

Не хорошо ли намъ было бы, братья, начать (пѣснь) объ Игоревомъ походѣ, Игоря Святославича, прежними словами печальныхъ повѣстей? Пусть же начнется эта пѣснь по событіямъ настоящаго времени, а не по Боянову замышленію. Вѣдь вѣщій Боянъ, если хотѣлъ о комъ сложить пѣснь, то расточался мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Вѣдь (когда) онъ вспомнилъ преданіе усобицы предыдущихъ временъ, тогда пускалъ десять соколовъ на стаю лебедей. Которой онъ касался, та прежде (смерти) запѣвала пѣснь о прежнемъ Ярославѣ, о храбромъ Мстиславѣ, который зарѣзалъ Редедю передъ касожскими полками, о прекрасномъ Романѣ Святославичѣ.

въскладаше, они же сами
Княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе,
повѣсть сію отъ стараго
Владимера до нынѣшняго
Игоря; иже истягну умъ
крѣпостію своею, и по-
остри сердца своего муж-
ествомъ, наплънився
ратнаго духа, наведе
своя храбрія плѣкы на
землю Половѣцкую за
землю Руськую.

О Бояне, соловію ста-
рого времени! абы ты сіа
плѣкы ушекоталъ, ска-
ча славію по мыслену
древу, летая умомъ подъ
облакы, свивая славы оба
полы сего времени, ри-
ща въ тропу Трояню
чресъ поля на горы. Пѣти
было пѣсь Игореви, то-
го (Олга) внуку. Не бу-
ря соколы занесе чресъ
поля широкая; галици
стали бѣжать къ дону
великому; чили въспѣти
было вѣщей Бояне, Ве-
лесовъ внуче! Комони
ржуть за Сулою; звенить
слава въ Киевѣ; трубы
трубятъ въ Новѣградѣ;
стоятъ стязи въ Путив-
лѣ;

Игорь ждетъ мила бра-

сты на живыѣ струны въ-
складаше, оны же самы
къ княземъ славу рокопта-
ху.

Почнѣмъ же, братіе,
повѣсть сію отъ старого
Володимера до нынѣш-
него Игоря, иже истягну
умъ крѣпостію своею и
поостри (его) сѣрдця
своего мужествомъ. На-
плънивъ ся ратнаго ду-
ха наведе своѣ хоробрѣѣ
плѣкы на землю Поло-
вѣцкую за землю Русь-
скую.

О Бояне, соловію ста-
рого веремени, абы ты
сиѣ плѣкы ушекѣталъ
скача, соловію, по мыслену
древу, летая умомъ
подъ оболкы, свивая
славы оба полы сего ве-
ремени, рыща въ тропу
Трояню чресъ поля на
горы, (то) пѣти было
пѣснь Игореви, того (Бо-
яна) вѣнуку: «Не буря
соколы занесе чресъ по-
ля широкая, галициѣ ста-
лы бѣжать къ Дону вели-
кому». Чи ли въспѣти бы-
ло (пѣснь Игореви), вѣ-
щии Бояне, Велесовѣ
внуче: «Комони ржуть
за Сулою, звѣнить слава
въ Киевѣ, трубы трубятъ
въ Новѣ Городѣ, стоятъ
стязи въ Путивли?»

Игорь жьдетъ мила

Боянъ же, братья, не де-
сятъ соколовъ пускаль
на стаю лебедей, но воз-
лагалъ свои вѣщіе пер-
сты на живыя струны,
онѣ же сами рокотали о
князьяхъ славу.

Начнемъ же, братья,
эту повѣсть отъ прежняго
Владиміра до нынѣш-
няго Игоря, который на-
прягъ умъ своей рѣши-
тельностью и заострилъ
(его) мужествомъ сво-
его сердца. Исполнив-
шись воинственнаго ду-
ха, онъ повелъ свои
храбрые полки на Попо-
вещкую землю за Русь-
скую землю.

О Боянъ, соловей
прежняго времени, если
бы ты выщелкалъ эти
полки, скача, соловей, по
мысленному дереву, ле-
тая умомъ подъ облака-
ми, свивая славой обѣ
стороны этого времени,
рыская по Трояновой
тропѣ чресъ поля на
горы, то внуку того (Бо-
яна) пришлось бы пѣть
пѣснь обѣ Игорѣ (такъ):
«Не буря занесла соко-
ловъ чресъ широкія по-
ля, галки устремляются
стаями къ великому До-
ну». Вѣщій Боянъ, Веле-
совъ внукъ, если бы вос-
пѣть было (пѣснь обѣ
Игорѣ такъ): «Кони
ржуть за Сулою, слава
звенить въ Киевѣ, трубы
трубятъ въ Новгородѣ,
стяги стоятъ въ Пути-
влѣ?»

Игорь ждетъ милаго

та Всеволода. И рече ему Буй Турь Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю. оба есѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми къ мети. подь трубами повити. подь шеломи възлелѣяны, конецъ копія въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луши у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци, въ полѣ ищучи себе чти, а Князю славѣ.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежь бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону. Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хошу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хошу главу свою приложити, а любос испити шеломомъ Дону.

брата Всеволода. И рече ему Буитурь Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыми ты (еси), Игорю, оба есѣ Святъславличя. Седлай, брате, свои бръзыи комонѣ, а мои ти (комони) готови, оседлани у Курьска на переди. А мои ти куряне, свѣдоми къ мети: (на шитѣ рожені), подь трубами повити, подь шеломи възлелѣяни, (о) конецъ копія въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луши у нихъ напряжени, тули отътворени, саблѣ изъострени, сами скачють, акы сѣрии влъци въ поли, ищюче собѣ чьсти, а князю славы».

Тогда Игорь (князь) възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою всѣ свои воѣ прикрыты. И рече Игорь дружинѣ своей: «Братіе и дружино, луче же бы потяту быти, неже полонену быти, а въсадѣмъ, братіе, на свои бръзыи комонѣ да позримъ синего Дону». Сыпала князю умъ (отъ) похоти, и жадость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. «Хочю бо», рече: «копие приломити (о) конецъ поля Половьцьскаго съ вами, русичи, хочю голову свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

брата Всеволода. И сказалъ ему Буйтурь Всеволодъ: «Ты Игорь, единственный братъ, единственный свѣтъ свѣтлый, мы оба Святославичи. Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои то (кони) готовы, заранѣе осѣдланы у Курьска. А мои то куряне опытные кметы (вольнонаемные воины): (на шитѣ рождены), подь трубами повиты, подь шлемами убаяюканы, о конецъ копья вскормлены, пути имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы, луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли наточены, сами (они) скачуть, какъ сѣрые волки въ полѣ, въ поискахъ для себя чести, а для князя славы».

Тогда (князь) Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце и увидѣлъ, что всѣ его воины прикрыты отъ него тьмою. И Игорь сказалъ своей дружинѣ: «Братья и дружина, лучше быть порубленнымъ, нежели быть плѣненнымъ, такъ сядемъ, братья, на своихъ борзыхъ коней и взглянемъ на синій Донъ». Отъ страстнаго желанія умъ воспылалъ у князя и жажда отвѣдать великаго Дона заслонила ему знаменіе. «Вѣдь хочю», сказалъ онъ: «съ вами, русичи, надломить копье о конецъ Половецкаго поля, хочю голову свою сложить, либо испить шеломомъ изъ Дона».

Тогда вступил Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемъ, влъзѣ, и по морію и по Сулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутороканьскій бълванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша к Дону Великому; кричатъ тѣлѣгы полунощи, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведеть: уже бо бѣды его пасеть птичь; подобію влъци грозу въ срозать, по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чрълєныя щиты. О руская земле! уже за Шеломянемъ еси.

Длго. Ночь мркнеть, заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекоть славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрълєными щиты перегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганья плькы Половецкыя; и рас-

Тгда вступил Игорь князь въ золотъ стремень и поѣха по чистому полю. Сълнце ему тьмою путь заступаше. Ночь, станучи ему грозою, пѣтицѣ упуди. Свистъ звѣринъ вѣста, вѣзби (ся) дивъ, кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемъ: Влъзѣ и Поморию, и Посулюю, и Сурожю, и Кърсуню, и тобѣ, Тьмутороканьскыи бълване. А половцы неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому. Кричатъ телѣгы (въ) полуночи, рци лебеди роспущены. Игорь къ Дону воѣ ведеть. Уже бо бѣды его пасуть пѣтицѣ по дубию, вълци грозу възрожатъ по яругамъ, орлы клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисицѣ брешють на чрълєныѣ щиты. О Русьская земле, уже за шеломянемъ еси.

Длго ночь мъркнеть, зорѣ свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла. Щекоть соловии успе, говоръ галичь убуди(ся). Русичи великая поля чрълєными щиты перегородиша, ищюче себѣ чести, а князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганѣ плькы половецкыѣ и

Тогда князь Игорь вступилъ въ золотое стремя и поѣхалъ по чистому полю. Солнце заграждало ему тьмою путь. Ночь, становясь ему грознымъ предостереженіемъ, угнала птицъ. Раздался звѣринный свистъ, взвилось чудовище, кличетъ съ вершины дерева, велить прислушаться невѣдомой землѣ: Волгѣ и Поморью, и Посулюю, и Сурожу, и Корсуню и тебѣ, Тмутороканскій столпъ (мысль). А половцы устремились не по проѣзжимъ дорогамъ къ великому Дону, (ихъ) телѣги кричатъ (скрипятъ) въ полночь, словно разогнанныя лебеди. Игорь ведеть воиновъ къ Дону. Вѣдь уже птицы стерегутъ его бѣды по дубравамъ, волки навывають по оврагамъ ужась, орлы клокотомъ зовуть звѣрей на кости, лисицы брешуть на червленые щиты. О Русская земля, ты уже за (сторожевымъ) холмомъ.

Ночь долго наводитъ мракъ, свѣтъ (утренней) зори запылалъ, мгла покрыла поля. Соловьиный щекоть уснулъ, галочій говоръ пробудился. Русичи перегородили червлеными щитами великія поля въ поискахъ для себя чести, а для князя славы.

Спозаранокъ въ пятницу (они) потоптали нечестивые половецкіе

сушаясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; ортымами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочыи Половѣцкыи Чрълень стягъ, бѣла хоругвь, чрълена чолка, сребрено стружие храброму Святъславичю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небылонь обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вълкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чръныя тучя съморя идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца: а въ нихъ трепещуть синіи мълніи, быти грому великому, ити дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламат, ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыи, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи
внуци, вѣютъ съморя

розсушая стрѣлами по полю помъчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато и паволокы, и дорогыя оксамиты. Ортымами и япончицами, и кожухы, и всякими узорочыи половецкыи, начаша мосты мостити по болотомъ, грязивымъ мѣстомъ. Чрълень стягъ, бѣла хоругвь, чрълена челька, сребрено стружие храброму Святъславичю. Дремлетъ въ поли Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло. Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тобѣ, чръныи вороне, поганый половчине. Гза бѣжитъ сѣрымъ вълкъмъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дъне, велми рано, кровавыя зорѣ свѣтъ повѣдають. Чръныя тучѣ съ моря идуть, хотятъ прикрыти четыре сълнця, а въ нихъ трепечють синѣ мълниѣ. Быти грому великому, ити дъжо стрѣлами съ Дону великаго. Ту ся копіемъ приломати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ у Дону великаго. О Русская земле, уже за шеломенемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи
внуци, вѣютъ съ моря

полки и, разметаившись стрѣлами по полю, согнали прекрасныхъ половецкихъ дѣвушекъ, а съ ними (захватили) злато и шелка, и дорогія парчи. Покрывалами и накидками, и кожухами и всякими половецкими нарядами (они) начали мосты мостить по болотамъ и топкимъ мѣстамъ. Храброму Святославичю червлёный стягъ, бѣлая хоругвь, червлёный бунчукъ, серебряное древко. Дремлетъ въ полѣ храброе Олегово гнѣздо, (оно) далеко залетѣло. Оно не было рождено для обиды ни отъ сокола, ни отъ кречета, ни отъ тебя, чръный воронъ, нечестивый половчанинъ. Гза бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ ему слѣдъ прокладываетъ къ великому Дону.

На другой день, очень рано, кровавыя зори возвѣщаютъ свѣтъ. Чръныя тучи идуть съ моря, (онѣ) хотятъ прикрыть четыре солнца, а въ нихъ трепещуть синія молніи. Быть великому грому, ити дождю стрѣлами съ великаго Дона. (Предстоять) тутъ копямя наламываться, (предстоять) тутъ саблямъ натручаться (побиваться) о половецкіе шлемы на рѣкѣ Каялѣ у великаго Дона. О Русская земля, ты уже за (сторожевымъ) холмомъ,

Вотъ вѣтры, Стрибожи
внуки, вѣютъ съ мо-

стрѣлами на храбрыя пѣлки Игоревы! земля тутнетъ, рѣки мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ, Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя пѣлки отступилиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрїи Русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломи мечи харалужными. Камо Турь поскачяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя отъ тебе Яръ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывчти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милья хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были пѣлци Ольговы, Ольга Святъславличя. Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тьмутороканѣ. То же звонъ слыша давный великій Ярославъ сынъ

стрѣлами на хоробрыѣ пѣлки Игоревы. Земля тутнетъ, рѣки мутно текутъ, пороси поля прикрываютъ. Стязи гологолютъ: половеци идутъ отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ сторонъ русьскыѣ пѣлки отступилиша. Дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиши, а хоробрии русичи (поля) прегородиши чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволоде, стоиши на борони, прыщещи на воѣ стрѣлами, гримлеши о шеломи мечи харалужными. Камо Турь поскачяше, своимъ золотымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыѣ головы половецкыѣ. Поскѣпани саблями калеными шеломи оварьскыи отъ тобѣ, Яръ туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывшю чьсти и живота, и города Чрънигова, отня злата стола и своеѣ мильи хоти, красныѣ Глѣбовны, свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни: минула лѣта Ярославля, были пѣлци Ольгови, Ольга Святъславличя. Тѣи бо Олегъ мечемъ коромолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ золотъ стремя въ городѣ Тьмуторокани. Тѣ же звонъ слыша давныи великыи Ярославъ. А Воло-

ря стрѣлами на храбрыя Игоревы полки. Земля тутдитъ, рѣки мутно текутъ, прахъ (пыль) прикрываетъ поля. Стязи болтають (плещуть), половеци идутъ отъ Дона и отъ моря и со всѣхъ сторонъ обступили рускїе полки. Бѣсовы дѣти прегородили поля кликомъ, а храбрыя русичи прегородили (поля) чрълеными щитами.

Яртурь Всеволодъ, ты стоишь на (полѣ) брани, извергаешъ на воиновъ стрѣлы, гремишь булатными мечами о шлемы. Куда Турь (ни) поскачетъ, посвѣчивая своимъ золотымъ шеломомъ, тамъ лежатъ нечестивыя половецкія головы. Тобою Яртурь Всеволодъ, калеными саблями расщеплены аварскїе шлемы. Какая рана дорога (развѣ рана страшна), братъ, позабывшему о почетѣ и жизни, и о городѣ Чръниговѣ, объ отцовскомъ золотомъ престолѣ и о привязанности и преданности своей милой возлюбленной, прекрасной Глѣбовны?

Были Трояновы вѣка: минули Ярославовы лѣта, были Олеговы походы, Олега Святославличя. Вѣдъ тотъ Олегъ ковалъ мечемъ крамолу и сѣялъ по землѣ стрѣлы. Онъ вступалъ въ городѣ Тьмуторокани въ золотое стремя. Давнишній великій Ярославъ тоже слы-

Всеволожь: а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Ольгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святоплькъ повелѣя отца своего между Угорскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Ользѣ Гориславичи сѣяшеться и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нѣ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотятъ полетѣти на уедіе.

То было въ ты рати, и въ ты плѣкы; а сице и рати не слышано: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленныя; гримлють сабли о шелома; трещатъ копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половешкыи. Чръна земля подѣ копыты, костыми была посѣяна, а кровію поляна; тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми

димеръ, сынъ Всеволожь, повся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому постыла за обиду Ольгову, хоробра и молода князя. Съ тоѣ же Канины Святоплькъ полелѣя отця своего между угърскими иноходьци къ Святѣй Софіи, къ Кіеву. Тѣгда при Ользѣ Гориславичи сѣяше ся и роставше усобицами, погибаше жизнь Дажьбожи внука, въ княжихъ коромолахъ вѣщи челоуѣкомъ съкоротишя ся. Тѣгда по Русьской земли рѣдѣко ратаеве кыкаху, нѣ часто ворони граяху, трупія собѣ дѣляче, а галицѣ свою рѣчь говоряху, хотячѣ полетѣти на уѣдие.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицеѣ рати не слышано: съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыѣ, гримлють сабли о шелома трѣщятъ копія харалужная. Въ поли незнаемѣ, середѣ землѣ Половѣцьскыѣ, чръна земля подѣ копыты костыми была посѣяна а кровію поляна. Тугою въззидоша по Русьской земли.

Чѣто ми шумить, чѣто

шалъ звонъ (стремени). А Владиміръ, сынъ Всеволодовъ, совсѣмъ во внутрь (стѣны) затыкаль проушины (отверстія) въ Черниговѣ. Бюриса же Вячеславича слава привела на судъ и за Олгову обиду постлала храброму и молодому князю на Канинѣ зеленое покрывало. Съ той же Канины Святоплькъ убаюкиваль между угорскими иноходцами своего отца (Изяслава), (слѣдуя) ко Святой Софіи, къ Кіеву. Тогда при Олегѣ Гориславичѣ (зло) сѣялось и росло усобицами, погибало достояніе Дажьбожьего внука, въ княжихъ крамолахъ вѣка людей укоротились. Тогда по Руской землѣ рѣдко пахари кликали, но вороны часто каржали, дѣля себѣ трупы, а галки говорили свою рѣчь, намѣреваясь полетѣти на клевь.

То было въ тѣхъ бояхъ и въ тѣхъ походахъ, а о такомъ боѣ не было слышано: съ ранняго утра до вечера, съ вечера до разсвѣта летятъ каленныя стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ булатныя копя. Черная земля въ невѣдомомъ полѣ, посреди Половешкой земли была посѣяна подѣ копытами косями и полита кровью. Онѣ възшли скорбью по Руской землѣ.

Что мнѣ за шумъ, что

звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плькы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другой: третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на березѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пирь докончаша храбри Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година встала, уже пустыни силу прикрыла. Встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крыльы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица Княземъ на поганья погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое, се великое мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ приходяду съ побѣдами на землю Рускую.

О! далече зайде соколь, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго пльку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля, по

ми звьнить далече рано передъ зорями? Игорь плькы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишя ся дньи, бишя ся други, прети его днье къ полу дньио падоша стязи Игоревы. Ту ся брата розлучисте на березѣ быстрой Каялы, ту кроваваго вина не доста, ту пирь докончаша хоробрии русичи, сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую. Ничить трава (съ) жялостями а дерево съ тутою къ земли переклонило ся.

Уже бо, братие, не веселая година встала, уже пустыни силу прикрыла. Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крыльма, на синимъ мори у Дону, плещучи упуди жирня веремея. Усобица княземъ на поганѣ погыбе. Рекосте бо братъ брату: «се мое, а то моеже», и начяша князи про малое: «се великое», мльвити, а сами на собѣ ромолу ковати. А поганіи съ всѣхъ сторонъ приходяху съ побѣдами на землю Русскую.

О, далече, зайде соколь, плькы бия, къ морю. А Игорева храброго пльку не крѣсити. За нимъ кликну кара, и же-

мнѣ за звонъ слышатся далеко рано передъ зорями? Игорь заворочиваетъ полки, вѣдь ему жаль милаго брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третій день къ полудню пали Игоревы стяги. Тутъ на берегу быстрой Каялы братья разлучились, тутъ кроваваго вина не достало, тутъ пирь закончили храбрые русичи, попоили сватовъ, а сами легли за Русскую землю. Трава никтеть отъ печали и дерево со скорбью къ землѣ переклонилось.

Вѣдь уже братья, не веселое время настало: уже пустыня прикрыла силу. Возникла обида (бѣда) въ силахъ Дажь-Божьяго внука, вступила дѣвою на Троянову землю, всплескала лебедними крыльями на синемъ морѣ у Дона, плещучи. угнала благоприятныя времена. Походъ князей на нечестивыхъ погубленъ. Вѣдь сказали братъ брату: «и то мое и се мое же», и начали князь говорить про малое: «оно значительно», а сами начали на себя ковать крамолу. А нечестивые приходили со всѣхъ сторонъ съ побѣдами на Русскую землю.

О, далеко забрался соколь, побивая птиць, къ морю. А храбраго Игорева войска не воскреситъ. По немъ раздался

скочи по Руской земли, смагу (людемъ) мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою судумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.

А вѣстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастыми; тоска разлися по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Руской; а князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами наришуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тѣи бо два храбрая Святъславлича, Игорьъ и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный Великій Кіевскій. Грозою бѣшеть; притрепеталъ своими сильными плѣкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлѣми и яругы; взмути рѣки и озера; иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, яко **вихрь** выторже: и падеся Кобякъ въ градъ Кіевъ, въ гридницѣ Святъславли. Ту **нѣмци** и Венедици, ту Греци и Морава

ля поскочи по Русьской земли. Смагу мычучѣ въ пламенѣ розѣ, жены русьскыѣ въсплакашя ся, аркучѣ: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию съмыслити, ни думою съдумати, ни очима съглядати, а золота и сребра (имъ) ни мало того потрепати».

А вѣстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастыми. Тѣска розлися по Русьской земли, печаль жирна тече середь землѣ Русьскыѣ. А князи сами на себе коромолу коваху. А погани сами (съ) побѣдами наришуще на Русьскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Та бо двѣа хоробрая Святъславлича, Игорьъ и Всеволодъ, уже лжку убудисте, которую то бѣше успилъ отць ею Святъславъ грозный великій Киевскыи, (и которую) грозою: бѣше притрепеталъ. Своими сильными плѣкы и харалужными мечи наступи на землю Половецкую, притопта хлѣмы и яругы, взмути рѣкы и озера, иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецьскыхъ, яко **вихрь** вытърже. И падеся Кобякъ въ городъ Кіевъ въ гридници Святъславли. Ту **нѣмци** и вене-

воплъ, и плачь пошель по Русской землѣ. Взма- хивая жаръ въ воспла- мененномъ рогѣ, рускіи: жены восплакались, при- говаривая: «Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслью осмыслити, ни думою одумать, ни гла- зами оглядѣтъ, а мало того золота и сребра (имъ) и не потрепать».

А застоналъ вѣдъ, братья, Кіевъ отъ скорби, а Черниговъ отъ бѣдъ. Тоска разлилась по Русской землѣ, обильная печаль топекла посреди Русской земли. А князья сами на себя ковали кра- молу. А нечестивые са- ми, набѣгая съ побѣда- ми на Русскую землю, брали дань по серебре- нику со двора.

Вѣдъ тѣ два храбрыхъ Святославлича, Игорьъ и Всеволодъ, уже пробуди- ли зло, которое вѣдъ усы- пилъ ихъ отецъ Свято- славъ, грозный великій Кіевскій (и которое) при- вель грозою въ трепеть. Онъ вступилъ въ Поло- вецкую землю со своими сильными полками и бу- латными мечами, притоп- талъ холмы и овраги, по- мутилъ рѣки и озера, ис- сушилъ потоки и болота, а нечестиваго Кобяка, по- добно вихрю, исторгъ съ морского залива изъ желѣзныхъ великихъ поло- вецкихъ полковъ. И палъ ницъ Кобякъ въ городъ Кіевъ въ Святославовой гридницѣ. Тутъ **нѣмци**:

поють славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорьъ Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошіево; уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрною паполомою, на кровати тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахутьми тѣщими тулы поганыхъ тѣлковинъ великій женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дѣски безъ кнѣса вмоємъ теремѣ златовръстѣмъ. Всю ночь съ вечера босуви врани възгряху, у Плѣсньска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошло къ синему морю.

И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умъ полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону, Уже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями, а самую опусто-

дичи, ту гръци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ въ днѣ Каялы, (въ) рѣкы по ловцьскыѣ, русьскаго злата насыпавшыя. Ту Игорьъ князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кошіево (въсѣде). Уныша бо городомъ заборола а веселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ: «(Въ) сию ночь съ вечера одѣваху мя», рече: «чрною паполомою на кровати тисовѣ, чръпаху ми синее вино съ трудомъ смѣшано, сыпаху ми тѣщими тулы поганыхъ тѣлковинъ великій жнѣчюгъ на лоно и нѣговаху мя. Уже дѣски безъ кнѣса въ моємъ теремѣ золотовръстѣмъ. Въ сию ночь съ вечера бусови ворони възгряху. У Плѣсньска на болони бяху дѣбрьскы сани и несоша (мя) къ синему морю».

И рекоша бояре князю: «Уже, князе, туга умъ полонила: се бо два сокола сълетѣсте съ отня стола злата поискати города Тмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями, а самую

и венціанцы, тутъ греки и моравы воспѣвають Святославою славу, виныть князя Игоря, что погрузилъ обиліе на дно Каялы, насыпавшаго въ половецкія рѣкы русскаго злата (блага). Тутъ князь Игорьъ высадили изъ золотого сѣдла и на невольничье (сѣлъ). Въдѣ ограда городовъ приуныла и веселіе понисло.

А Святославъ видѣлъ смутный сонъ въ Кіевѣ на горахъ. «Въ эту ночь съ вечера», сказалъ онъ: «меня окутывали на тисовой кровати чернымъ покрываломъ, мнѣ черпали синее вино, смѣшанное съ печалью, сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ изъ опорожненныхъ (отъ стрѣль) колчановъ нечестивыхъ наемниковъ и мнѣ оказывали ласку. Уже доски (отъ кровли) въ моємъ златоверхомъ теремѣ безъ князька. Въ эту ночь съ вечера сумрачные вороны каркали. На заливномъ лугу у Плѣснеска были погребальныя сани и (меня) уносили къ синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже князь (твоимъ) умомъ овладѣла скорбь: вѣдь вотъ два сокола слѣтели съ отцовскаго золотого престола поискать города Тмуторокани; а либо испить шлемомъ изъ Дона. Уже соколамъ подрубили крытышки са-

ша в путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркости, оба багряная стѣла погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеса хула на хвалу; уже пресну нужда на волю; уже врьжеса дивъ на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы вспѣша на березѣ синему морю. Звоня Рускимъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія.

опуташа въ путины желѣзны. Тьмно бо бѣ въ третии день; двѣ стѣльци помѣркости, оба багряная стѣла погасосте и съ нима молодая мѣсяца (Святъславъ и Володимѣрь) тьмою ся поволокосте и въ море (ся) погрузисте, и великое буйство подасте хынови. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. По Русской земли прострьошася половци, аки пардуже гнѣздо. Уже снесеся хула на хвалу, уже трѣсну нужа на волю, уже вьржеся дивъ на землю. Се бо гьтскыѣ красныѣ дѣвы вспѣша на березѣ синему морю, звонячѣ Русскимъ золотмъ: поють (въ) вереме бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселія».

блями нечестивыхъ, а самихъ опутали въ желѣзные пути. Вѣдь на третій день было темно: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и съ ними заволоклись тьмою два молодыхъ мѣсяца (Святославъ и Владиміръ) и погрузились въ море, и оба оказали гунну великую ярость. На рѣкѣ, на Каялѣ тьма покрыла свѣтъ. Половцы, подобно барсовому выводу, распростерлись по Русской землѣ. Уже хула обрушилася по похвалу, уже неволя разразилася на волю, уже чудовище низверглось на землю. Вѣдь вотъ прекрасныя готскія дѣвы воспѣли на берегу синяго моря, звоня русскимъ золотомъ (украсясь русскимъ благомъ): (онѣ) поють въ сумрачное время, лелѣють мечь (нанесенную) Шароканю, а мы уже, дружина, жаждущіе веселія».

Тогда Великій Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно юдолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей серебряней сѣдинѣ! А уже не вижу власти сильнаго,

Тогда великыи Святъславъ изрони золото слово (съ) слезами смѣшано и рече: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде, рано еста начяла Половецкую землю мечи цвѣлити, а собѣ славы искати, нѣ не чьстною одолѣста, не чьстною бо кровь поганую проліяста. (У) ваю хоробрѣи сьрдьци въ жестоцѣмъ харалузѣ ськованѣ а въ буести закаленѣ. Се ли сьтвориста мои серебрянѣи сѣдинѣ? А уже не

Тогда великій Святославъ произнесъ золотое слово, смѣшанное (со) слезами, и сказалъ: «О мои сыновцы (подручные князья), Игорь и Всеволодъ, вы преждевременно начали досаждать мечами Половецкую землю, а себѣ искать славы, но вы съ чьстною не одолѣли, вѣдь вы съ чьстною не пролили нечестивую кровь. У васъ храбрыя сердца скованы въ жесткомъ булатѣ и закалены отвагою. Это

и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговскими былями, съ Могуты, съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы и съ Ревугы, и съ Ольберы. Ти бо бес шитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ правдѣдную славу. Нъ рекосте му жа имѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколь въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло Княже ми не пособіе, на ниче ся години обратиша. Се Уримъ кричатъ подѣ саблями Половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову.

Великий Княже Всеволоде! не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кошей по резанѣ. Ты бо можеша посуху живыми

вижю волости сильного и богатаго, и (не вижю) многовои брата моего Ярослава съ черниговскими былями, съ могуты и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы. Ти бо безъ шитъ съ засапожники, кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ правдѣдную славу. Нъ рекоста: «мужьямъ ся сами, переднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ». А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколь въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло: княже ми не пособіе. Наниче ся години оборотиша. Се у Римова кричатъ подѣ саблями половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову.

Великий княже Всеволоде, не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чяга по ногатѣ, а кощии по рѣзани. Ты бо можеша по суху, живыми

ли вы натворили моеи серебряной сѣдинѣ? А я уже не вижю власти сильнаго и богатаго и (не вижу) многовои брата моего Ярослава съ (его) черниговскими былями (со знатью ковуевъ), съ могутами и съ татранами, и съ шельбирами, и съ топчакы, и съ ревугами, и съ ольберами. Въдъ тѣ безъ шитовъ, съ засапожными ножами, кликомъ побѣждаютъ полки, звоня (облачась) въ правдѣдовскую славу. Но вы сказали: «сами будемъ мужественными, сами овладѣемъ предстоящей славою, а послѣдующей сами подѣлимся». А развѣ мудро старому помолодѣть? Когда соколь перелиняетъ, то высоко въздымаетъ птиць, не дастъ своего гнѣзда въ обиду. Но вотъ въ чемъ зло, княжеской мнѣ нѣтъ помощи. Времена оборотились на изнанку. Вотъ у Римова кричатъ подѣ половецкими саблями, а Владимиръ (изнываетъ) подѣ ранами. Скорбь и тоска Глѣбову сыну.

Великий князь Всеволодъ, не мыслимо ли тебѣ прелетѣти издалеча, охранити отцовскій золотой престоль? Въдъ ты можеша Волгу расплескати веслами, а Донъ вычерпати шлемами. Если бы ты здѣсь былъ, то невольница была бы по ногатѣ (по полтиннику),

шерешеры стрѣляти уда-
лыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Да-
виде, не ваю ли злачены-
ми шеломи по крови пла
ваша? Не ваю ли храбрая
дружина рыкають акы
тури, ранены саблями ка-
леными, на полѣ незнае-
мѣ? Вступита Господина
въ злата стремень за
обиду сего времени, за
землю Русскую, за раны
Игоревы, буюго Свят-
славлича!

Галички Осмомыслъ
Ярославе высоко сѣдиши
на своемъ златокован-
нѣмъ столѣ. Подперъ го-
ры Угорскыи своими же-
лѣзными плѣки, засту-
пивъ Королеви путь, за-
твори въ Дунаю ворота,
меча времени чрезъ об-
лаки, суды ряда до Ду-
ная. Грозы твоя по зем-
лямъ текутъ; отворяеши
Кіеву врата; стрѣляеши
съ огня злата стола Сал-
тани за землями Стрѣляй
Господине Кончака, по-
ганого Кошча за землю
Рускую, за раны Игоревы
буюго Святславлича.

А ты буй Романе
и Мстиславе! храбрая
мысль носить вась умъ
на дѣлю. Высоко плавае-

шерешеры стрѣляти, уда-
лыми сыны Глѣбовыми.

Ты, буй Рюриче, и Да-
виде, не ва ли золочены-
ма шелома по крѣви
плаваста? Не (у) ваю ли
хоробрая дружина ры-
каеть, акы тури, ренени
саблями калеными на по-
ли незнаемѣ? Вступита,
господина, въ злота
стремени за обиду сего
веремѣне, за землю Русь-
скую, за раны Игоревы,
буюго Святъславича.

Галичскыи Осмомысле
Ярославе, высоко сѣдиши
на своемъ золотокова-
ннѣмъ столѣ, подперъ го-
ры Угърскыѣ своими же-
лѣзными плѣкы, засту-
пивъ королеви путь, за-
творивъ Дунаю ворота,
меча беремѣны чересъ
Дуная. Грозы твоѣ по
землямъ текутъ, оттво-
ряеши Кіеву ворота,
стрѣляеши съ огня зо-
лота стола салтъаны за
землями. Стрѣляи, госпо-
дине, Кончяка, поганого
кошча, за землю Русь-
скую, за раны Игоревы,
буюго Святъславича.

А ты, буй Романе, и
Мстиславе, хоробрая
мысль носить (у) ваю
умъ на дѣлю. Суть бо у

а невольникъ по рѣзану
(по двугривеннику).
Вѣдь ты можешъ съ су-
ши стрѣлять живыми ше-
решерами (зажигатель-
ными снарядами), уда-
лыми Глѣбовыми сыно-
вьями.

Ты, буйный Рюрикъ, и
Давидъ, не вы ли золо-
ченными шлемами плава-
ли по крови? Не у вась
ли храбрая дружина ры-
чить, какъ туры, ране-
ные калеными саблями
на невѣдомомъ полѣ?
Вступите, господа, въ
золотыя стремѣна за
обиду сего времени, за
Русскую землю, за Иго-
ревы, буйнаго Святосла-
вича раны.

Галицкій Осмомыслъ
Ярославъ, ты высоко си-
диши на своемъ златоко-
ванномъ престолѣ, ты
подперъ Угорскія горы
своими желѣзными по-
лками, заградивъ королю
путь, затворивъ ворота
Дуная, меча бременами
за облака, ряда суды до
Дуная. Твои грозы те-
кутъ по землямъ, ты от-
воряешъ ворота Кіева,
ты съ отцовскаго золо-
того престола стрѣляешъ
за предѣлами султановъ.
Стрѣляй, владыка, Кон-
чака, нечестиваго холо-
па, за Русскую землю, за
раны Игоревы, буйнаго
Святославича.

А ты, буйный Романъ,
и Мстиславъ, храбрая
мысль влечеть у вась умъ
на подвигъ. Вѣдь у вась

ши на дѣло, въ буести яко соколь на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подѣ шелома латинскии. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя повъргоша, а главы своя покляниша подѣ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по Рси, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго пльку не крѣсити. Донѣ ти Княже кличеть, и зоветь Князи на побѣду. Ольговичи храбрыи Князи dospѣли на брань.

Ингварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрылци, непобѣдныи жребии собѣ власти расхытисте? Кое ваши златыи шелома и сулицы Ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы буюго Святславича.

Уже бо Сула не течеть серебряными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подѣ кликомъ пога-

ваю желѣзныи поперси подѣ шелома латынскии, тѣми трѣсну земля и мьноты стороны: хынове, литва, ятвязи, деремела и половци сулицѣ свои повъргоша, а головы свои подѣкляниши подѣ тыи мечи харалужныи... Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколь на вѣтерѣхъ, ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Нъ уже, княже, Игорю утрпѣ сльнью свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони. По Рси и по Сулѣ города подѣлиши, а Игорева хороброго пльку не крѣсити. Донѣ ти, княже, кличеть и зоветь князь на побѣду. Ольговичи, хоробрии князи, dospѣли на боронь.

Ингварю и Всеволоде, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрылци, не побѣдныи жеребии собѣ волости расхытисте. Кое ваши золотии шелома и сулицѣ лядьскыи и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславича».

Уже бо Сула не течеть серебряными струями къ городу Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подѣ кликомъ

желѣзные нагрудники подѣ латинскимии шеломаи, отъ нихъ пришла въ содроганіе земля и многія страны: гунны, литва, ятвяги, деремела и половцы сложили свои (метательныи) копыя, а свои головы прекляниши подѣ тыи булапные мечи... Ты съ отвагою высоко плаваеши на подвигѣ, словно соколь, парящий на вѣтрахъ, въ ярости желая одолѣть птицу. Но князь, для Игоря свѣтъ солнца потускнѣлъ, а древо не къ добру сронию листву. По Роси и по Сулѣ распредѣлили города (укрѣпленія), а Игорева храбраго войска не воскресити. Князь, Донѣ тебѣ кличеть, зоветь княземъ на побѣду. Ольговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань,

Ингварь и Всеволодъ, и всѣ трое Мстиславичей, недурного гнѣзда шестокрылцы. Вы не раздобыли себѣ власти жребиями побѣдъ. Что ваши золотыи шелома и ляцкыи (метательныи) копыя и щиты? Своими острыми стрѣлами загородите ворота полю, за Русскую землю, за раны Игоревы, буйнаго Святславича».

Вѣдь уже Сула не течеть серебряными струями (по направленію) къ городу Переяславлю и Двина течеть болотомъ (помутившись) подѣ кли-

ныхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позволи своими острыми мечи о шелома Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подь чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи.

Ярославе, и вси внуце Всеслави уже понизити стязи свои, вонзити свои мечи верезени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу. Тѣи клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружѣ-

поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шелома литовскыѣ, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подь чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи. Иско(дивъш)ю на крова (въ травѣ) тыи рекъ: «Дружину твою, княже, пѣтиць крылы приодѣши, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячислава ни другаго (брата) Всеволода, одинъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чересъ золото ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ городеньскыѣ.

Ярославе и вси внуци Всеслави, уже понизити стязи своѣ, вьнзити своѣ мечѣ верезенѣ: уже бо выскочисте изъ дѣднѣй славы. Вы бо своими кормолами начясте наводити поганѣ на землю Русскую, на жизнь Всеславию. Которою бо бѣше насиліе отъ землѣ Половецкыѣ.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребіи о дѣвицу собѣ любу. Утръ же вьнзи стрікусы (остры кусы) отътвори ворота Нову Горо-

комъ нечестивыхъ къ тѣмъ грознымъ полочанамъ. Единъ лишь Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвенѣлъ своими острыми мечами о литовскіе шлемы, прибилъ славу своему дѣду Всеславу, а самъ онъ прибить литовскими мечами подь чрълеными щитами на кровавой травѣ. Отходившему на кровавой травѣ тотъ (авторъ Слова) сказалъ: «Князь, птицы приодѣли твою дружину крылами, а звѣри полизали кровь». Не было тутъ брата Брячислава, ни другаго (брата) Всеволода, онъ же въ одиночествѣ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла черезъ золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, опрадныя трубы трубятъ.

Ярославъ и всѣ Все-славовы внуки, уже (вамъ бы) склонити свои стязи, вонзити (въ ножны) свои поврежденные (позоромъ) мечи: вѣдь уже вы оторвались отъ дѣдовской славы. Вѣдь вы своими крамолами начали наводити нечестивыхъ на Русскую землю, на Всеславово достояніе. Вѣдь насиліе ють Половецкой земли было создано раздоромъ.

На седьмомъ Трояновомъ вѣкѣ Всеславъ бросилъ жребій о возлюбленную имъ дѣвицу. Во внутрь вонзилъ острую зубцы, отворилъ во-

емъ злата стола Киевокаго. Скори отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мѣглѣ, утрѣ же возни стрикусы отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи вѣлкомъ до Немизи съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеппи харалужными, на тоцѣ живогъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхутъ посѣяни, посѣяни костями Рускихъ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хрѣсови вѣлкомъ путь перерыскаше. Тому в Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдасе. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути.

ду, росшибе славу Ярославу, скочи вѣлкъ до Немизи съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеппи харалужными, на тоцѣ живогъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. (На) Немизѣ кровави берези не бологомъ бяху посѣяни, посѣяни костями русскихъ сыновъ. Ты клюками подѣпъръ ся, окони, скочи къ городу Кыеву и дотче ся стружиемъ злата стола кыевского. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у Святыѣ Софиѣ въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ города рядяше. Скори отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ полу ноци изъ Бѣла Города, обѣси ся въ синѣ мѣглѣ. А самъ въ ночь вѣлкъ рыскаше изъ Кыева, дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови вѣлкъ путь перерыскаше. Аже и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдасе, тому вѣщии Боянъ и прѣвое припѣвку, съмысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птици гораздѣ суда Божия не минути».

рота Новгорода, расшибѣ славу Ярослава. Скакнулъ волкомъ изъ Дудутокъ до Немизи. На Немизѣ изъ головъ стелютъ снопы, молотятъ булатными чеппами, кладутъ на току живогъ, вѣютъ душу отъ тѣла. На Немизѣ кровавые берега были посѣяны не добромъ, (они были) посѣяны костями русскихъ сыновъ. Тотъ (Всеславъ) оперся на клюки (схитрилъ), принялъ рѣшеніе, скакнулъ къ городу Киеву и коснулся древкомъ (копья) киевскаго золотого престола. Поэтому (когда) въ Полоцкѣ у Святой Софиѣ позвонили рано къ заутрени въ колокола, а онъ (тогда) въ Киевѣ слышалъ звонъ. Князь Всеславъ правилъ людемъ судъ, удѣлялъ князьямъ города. Въ полночь изъ Бѣлгорода скакнулъ отъ нихъ лютымъ звѣремъ, повисѣ (скрылся) въ синей мѣглѣ. А самъ онъ ночью волкомъ рыскалъ изъ Кыева, до (тѣни) пѣтуховъ дорыскалъ Тмуторокани, великому Хорсу (солнцу) волкомъ перерыскалъ путь. Хотя у него и была вѣщая душа въ другомъ (въ волчьемъ) тѣлѣ, но онъ часто страдалъ отъ бѣды, поэтому вѣщій Боянъ впервые припѣвку, вдохновленный (смышленный), изрекъ: «Ни хитрому, ни гораздому, ни птицѣ гораздой не миновать Божьяго суда».

О! стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину, и пръвыхъ князей. Того стараго Владиміра не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзиіи Давидовы; нѣ рози нося имъ хоботы пашуть,

О, стонати Русьскои земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвыѣ князѣ. Того старого Володимера не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи (одни) Рюрикови, а друзиіи Давидови, нѣ розьно ся имъ хоботи пашють.

О, стонать Русской земли, вспомяная, предъдущее время и предъдушнихъ князей. Того прежняго Владиміра нельзя было пригвоздить къ Киевскимъ горамъ. вѣдъ нынѣ его стяги стали (одни) Рюриковыми, а другіе Давидовыми, но полотнища ихъ колышутся врозь.

копіа поють на Дунаи. Ярославнынѣ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочюу бебрянѣ рукавѣ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавья его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Гоподине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлки на своею не трудною крилицю на моя лады вой? Мало ли ти бѣшеть горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣмъ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ аркучи: о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославліи насады до пльку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезѣ на море рано. Ярославна рано плачеть къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣт-

Копія поють на Дунаи. Ярославнинѣ голюсь слышитъ (ся), зегзицею незнаема рано кычеть. «Полечю», рече: «зегзицею по Дунаеви, омочюу бебрянѣ рукавѣ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавья его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Ярославна рано плачеть Путивлю (городу) на заборолѣ, аркучи: «О вѣтрѣ — вѣтрило, чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыѣ стрѣлки на своею нетрудною крылицю на моеѣ лады воѣ? Мало ли ти бѣше (сѣ) горѣ подѣ оболокы вѣяти, лелѣючи кораблѣ на сини мори? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣяль (еси)?» Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «О Днѣпрѣ Словутицю, ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Пловыцьскую, ты лелѣялъ еси на себѣ Святѣславлѣ насады до пльку Кобякова. Возлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не сылала къ нему слезѣ на море ра-

Копья поють на Дунаѣ, Ярославнинѣ голюсь раздается. Кукушкою, одинокая рано кличеть. «Полечу», сказала она: «кукушкою по Дунаю, омочу бобровый рукавѣ въ рѣкѣ Каялѣ, утру князю его кровавья раны на могучемъ его тѣлѣ». Ярославна рано плачеть на оградѣ (города) Путивля, приговаривая: «О вѣтерѣ-вѣтрище, зачѣмъ, ты владыка, враждебно вѣеши? Зачѣмъ ты навлекаешь гунскія стрѣлки на своихъ легкихъ крылышкахъ на воиновъ моего супруга? Развѣ мало тебѣ было вѣять съ высотѣ подѣ облаками, покачивая корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ ты, владыка, развѣяль по ковылію мою радость?» Ярославна, раплачеть на оградѣ города Путивля, приговаривая: «О Днѣпрѣ Словутичѣ, ты пробилъ сквозѣ Половецкую землю каменныя горы, ты покачивалъ на себѣ Святославова ладѣ до Кобяковаго полка. Владыка, прибаюкай ко мнѣ об-

лое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячую свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже тугою имъ гули затче.

но». Ярославна рано плачетъ Путивлю (городу) на заборолѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце, всѣмъ тепло и красно еси Чему, господине, простре горячую свою лучю на (моеѣ) лады воѣ, въ поли безводнѣ жаждею имъ луки съпряже, тугою имъ тулы затче?»

ратно моего супруга, чтобы я къ нему рано не слала на море слезъ». Ярославна рано, плачетъ на оградѣ (города) Путивля, приговаривая: Свѣтлое и трижды свѣтлое солнце, ты всѣмъ тепло и прекрасно. Зачѣмъ ты, владыка, простеръ свое горячее лучище на воиновъ (моего) супруга, въ безводномъ полѣ жаждою согнулъ имъ луки, гнетомъ заткнулъ имъ колчаны?»

Прысну море полунощи; идутъ сморши мглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быти: кликну стукну земля; въ шумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въврѣжеся на брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ вълкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вълкомъ потече, труся собою студеную

Прысну море (въ) полуночи идутъ смърчи мглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ землѣ Половцьскыѣ на землю Русскую, къ отню золоту столу. Погасоша вечеру зарѣ. Игорь съпитъ? Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малого Донця. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю розумѣти: князю Игорю не быти. Кликну, стукну земля, въшномѣ трава, вѣжѣ ся половцьскыѣ подвизаша. А Игорь князь поскочи горностаемъ къ трѣстию и бѣлымъ гоголемъ на воду, въврѣже ся на брѣзъ комонь и съскочи съ него, и босымъ вълкомъ потече къ лугу Донця, и полетѣ сокольмъ подъ мглами, избивая гуси и лебеди (къ) завѣтроку и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь сокольмъ полетѣ, тгда Овлуръ вълкомъ потече,

Взбушевалося море въ полночь, сумраки надвигаются мглами. Богъ указываетъ князю Игорю путь изъ Половецкой земли въ Русскую землю къ отцовскому золотому престолу. Погасли зори вечера. Игорь спитъ? Игорь бдитъ: Игорь мысленно мѣрить поля отъ великаго Дона до малаго Донца. Въ полночь Овлуръ свистнулъ (позвалъ) коня за рѣкою, даетъ князю понять: (пора) князю Игорю исчезнуть. Кликнулъ, дрогнула земля, зашумѣла трава, половецкія вѣжи всполошились. А Игорь поскакалъ горностаемъ къ тростнику и бѣлымъ гоголемъ на воду, взвился на борзаго коня и соскочилъ съ него, и безшумной поступью волка помчался къ лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ мглами, избивая гусей и лебедей къ завтроку и къ обѣду, и

росу; претръгоста бо своя бързая комоня.

Донець рече: Княже Игорю! не мало ти величя, а Кончаку нелюбя, а Руской земли веселія. Игорь рече, о Донче! не мало ти величя, мелѣявшу Князя, на вълнахъ стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подь сѣнію зелену древу: стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрънядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стugna худу струю имѣя, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростислава по уноши Князя Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило,

а не сороки втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахутъ, не галици помълкоша, сороки не троскоташа, полозию ползюша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми

труся собою студеную росу, перетръгосте бо своя бързая комоня.

Доньшъ рече: «Къняже Игорю, не мало ти величя, а Кончаку нелюбя, а Русьской земли веселия». Игорь рече: «О Доньче, не мало ти величя, мелѣявшю кънязя на вълнахъ, стлавъшю ему зелену траву на своихъ серебряныхъ березѣхъ, одѣвавъшю его теплыми мѣглами подь сѣнію зелену древу, стережавъшю его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на вѣтрѣхъ». Не тако ли рече рѣка Стugna: худу струю имѣючи, пожръши чужѣ ручиѣ и стругы, ростерена къ устью, уношю кънязя Ростислава затвори. (На) Днѣпрѣ, (на) гѣменѣ березѣ плачется мати Ростислава по уноши кънязя Ростиславѣ. Уныша цвѣти (съ) жялостями а древо съ тугою къ земли переклонило (ся).

А не сороки вътроскоташа, на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гъза съ Кончакъмъ. Тгда ворони не праяху, галицѣ помълкоша, сороки не троскоташа, по лозию полѣзоша, только дятлове тькътъмъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми

къ ужину. Если Игорь леталъ соколомъ, то тогда Овлуръ мчался волкомъ, встряхивая собою студеную росу, вѣдь оба загнали своихъ борзыхъ коней.

Донець сказалъ: «Кънязь Игорь, немало тебѣ величя, а Кончаку досады, а Русской землѣ веселія». Игорь сказалъ: «О Донечъ, немало тебѣ величя, убаякнившему князя на волнахъ, стлавшему ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, окутывавшему его теплыми мѣглами подь сѣнію зеленого дерева, стерегшему его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернядьми (утками) на вѣтрахъ». Не такъ бы сказала рѣка Стugna: имѣя слабое течение, поглотивши чужіе ручьи и потоки, распростертая къ устью, она затворила юношу князя Ростислава. На Днѣпрѣ, на возвышенномъ (темянномъ) берегу плачется Ростислава мать по юношѣ князѣ Ростиславѣ. Уныли цвѣты съ печалью и древо переклонилося къ землѣ со скорбью.

А не сороки застреконали, по Игореву слѣду ѣздитъ Гза съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали, галки призамолкли, сороки не спрекотали, по лозяку полѣзли (попрятались), только дятлы текотомъ (тыканьемъ) указываютъ путь

пѣсьми свѣтъ повѣда-
ютъ. Млѣвить Гзакъ
Кончакови: аже соколь
къ гнѣзду летитъ, соко-
лича рострѣляевъ своими
злаченными стрѣлами. Ре-
че Кончакъ ко Гзѣ: аже
соколь къ гнѣзду ле-
титъ,, а вѣ соколица опу-
таевъ красною дѣвицею.
И рече Гзакъ къ Конча-
кови: аше его опутаевъ
красною дѣвицею, ни на-
ма будетъ соколыца, ни
нама красны дѣвице, то
почнутъ наю птици бити
въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на
Святъславля пѣстворца
старога времени Яросла-
вля Ольгова Коганя хоти:
тяжко ти головы, кромѣ
плечю; зло ти тѣлу, кро-
мѣ головы: Руской земли
безъ Игоря. Солнце свѣ-
тится на небесѣ, Игорь
Князь въ Руской земли.
Дѣвици поють на Дунаи.
Вьются голоси чрезъ мо-
ре до Кіева. Игорь ѣдетъ
по Боричеву къ Святѣй
Богородици Пирогошей.
Страны ради, гради ве-
сели,

пѣвше пѣснь старымъ
Княземъ, а по томъ моло-
дымъ. Пѣти слава Игорю
Святъславлича. Буй туру
Всеволодѣ, Владиміру
Игоревичу. Здравя Князи

пѣсьми свѣтъ повѣда-
ютъ. Млѣвить Гзѣ Кон-
чякови: «Аже соколь къ
гнѣзду летитъ, соколича
розстрѣляевъ своими зо-
лочеными стрѣлами».
Рече Кончякъ Гзѣ:
«Аже соколь къ гнѣзду
летитъ, а вѣ соколыца
опутаевъ красною дѣ-
вицею». И рече Гзѣ
Кончякови: «Аже его
опутаевъ красною дѣ-
вицею, ни нама будетъ
соколыца, ни нама крас-
ны дѣвицѣ, то почнутъ
наю пѣтицѣ бити въ по-
ли Половѣцкомъ».

Рекъ Боянъ на ис-
ходѣ (сына) Святъслав-
ля, (внуча) Ярославлѣ,
хоти пѣсньтворця Оль-
гова, коганя, старога ве-
ремене: «Тяжко ти, го-
ловѣ, кромѣ плечю, зъло
ти тѣлу кромѣ головы»,
(такъ) Русьской земли
безъ Игоря. Сълнѣце
свѣтитъ ся на небесе:
Игорь князь въ Русь-
ской земли. Дѣвицѣ по-
ють на Дунаи, виють ся
голоси чересъ море до
Кіева. Игорь ѣдетъ по
Боричеву къ Святѣй Бо-
городицѣ Пирогошѣи.
Страны рады, города
весели.

Пѣвше пѣснь ста-
рымъ княземъ, а по
томъ молодымъ пѣти:
«Слава Игорю Святъсла-
вичю, Буигуру Всево-
лоду, Володиміру Иго-

къ рѣкѣ, соловьи веселы-
ми пѣснями возвѣщаютъ
свѣтъ. Молвить Гзѣ Кон-
чаку: «Если соколь ле-
титъ къ гнѣзду, то мы
разстрѣляемъ соколича
своими золочеными стрѣ-
лами». Сказалъ Кончакъ
Гзѣ: «Если соколь ле-
титъ къ гнѣзду, а мы со-
колыца опутаемъ пре-
красной дѣвицей». И ска-
залъ Гзѣ Кончаку: «Если
мы его опутаемъ пре-
красной дѣвицей, то у
насъ не будетъ ни со-
колыца, ни прекрасной
дѣвицы, то насъ начнутъ
птицы бить въ Половец-
комъ полѣ».

Сказалъ Боянъ объ ис-
ходѣ (по поводу остав-
ленія Чернигова) сына
Святославова, внука Яро-
славова, любимца пѣсно-
творца прежняго Олега-
ва, коганова времени:
«Тяжко вѣдъ головѣ
безъ плечъ, бѣда вѣдъ
тѣлу безъ головы» (такъ
и) Русской землѣ безъ
Игоря. Солнце свѣтится
на небѣ: князь Игорь въ
Русской землѣ. Дѣвици
поють на Дунаѣ, ихъ го-
лоса вьются (раздаются)
черезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Бориче-
ву ко Святой Богороди-
цѣ Пирогошей (Башен-
ной). Страны рады, го-
рода веселы.

Спѣвши пѣснь о преж-
нихъ князьяхъ, потомъ
(надо) пѣть о современ-
ныхъ: «Слава Игорю Свя-
тославичю, Буйтуру Все-
володу, Владиміру Иго-

и дружина, побарая за ревичю. Здорови кнѣзи ревичу. Да здравствуютъ
христьяны на поганя и дружина, побораюче князья и дружина, веду-
пльки. Княземъ слава, а за крѣстьяны на поганѣ: щіе борьбу за христіанъ.
дружинѣ Аминь. пълкы. Кнѣземъ слава, противъ нечестивыхъ
а дружинѣ (чьсть). полковъ. Князьямъ сла-
Аминь. ва, а дружинѣ (чьсть)». Аминь.

ПРИМЪЧАНІЯ

Поучительное произведеніе называется «словомъ», слѣдовательно «Слово о полку Игоревѣ» является поучительнымъ произведеніемъ. Авторъ Слова о Полку Игоревѣ называетъ свое произведеніе и пѣсней и повѣстью, очевидно нѣкоторыя части его пѣлись, а другія декламировались.

«Пѣлкъ» — воинская часть при исполненіи военной операціи, поэтому «пѣлкъ» въ однихъ случаяхъ переводимъ, какъ походъ, а въ другихъ, какъ полкъ въ значеніи воинской части.

«Старыми словесы трудныхъ повѣстии». «Старыи» — прежній: «старыми словесы», «старому Ярославу», «старого веремени» (дважды), «старого Володимера» (дважды), «старымъ княземъ». «Старый» только въ одномъ текстѣ означаетъ пожилой: «стару помолодити». «Старыми словесы» значить прежними словами. «Трудныи» — тяжелый, печальный: «трудныхъ повѣстии» значить печальныхъ повѣстей. «Трудъ» — печаль: «вино съ трудымъ смѣшано» — вино съ печалью смѣшано, оно черпается при печальной обстановкѣ. «Нетрудныи» — легкій: «нетрудною крыльцю» — (двумя) легкими крылышками. Печальныя повѣсти являются преданіемъ усобицы предыдущихъ временъ (рѣчью пьрвыхъ веремени усобицѣ), о которомъ говорится дальше, онѣ не имѣютъ отношенія къ неудачному походу Игоря на половцевъ.

«Аже кому хотяше пѣснь творити» и ниже: «пѣснь пояше старому Ярославу хороброму Мстиславу, красному Романови Святъславичю», «княземъ славу рокотаху», «пѣти было пѣснь Игореву», пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а по томъ молодымъ пѣти». Въ этихъ цитатахъ дополненія въ дательномъ падежѣ принадлежности, который въ современномъ русскомъ языкѣ обычно соотвѣтствуютъ родительному падежу. Въ нашемъ переводѣ эти дополненія въ предложномъ падежѣ, вмѣсто «кому» или «кого» — «о комъ»: «если о комъ хотѣлъ сложить пѣснь», «запѣвалъ пѣснь о прежнемъ Ярославѣ, о храбромъ Мстиславѣ, о прекрасномъ Романѣ Святославичѣ», «о князьяхъ рокотали славу», «спѣвши пѣснь о прежнихъ князьяхъ, потомъ надо пѣть о современныхъ».

«По былинамъ сего веремени», а не по замышленію Бояно», ниже: «Мыслию по дереву». «Былины» — событія. «Бояново замышленіе» — его воображеніе. «Мысль» дважды сочетается съ деревомъ: «мыслию по дереву» и по «мысльну дереву». «Мысль» не имѣетъ никакого отношенія къ

«мыси --- бѣлжѣ». Ниже Боянъ называется «съмыслынымъ» на томъ основаніи, что онъ растекается, т. е. расточается мыслью по дереву, и что онъ скачетъ соловьемъ по мысленному, т. е. по воображаемому дереву. «Мысль» также встрѣчается въ другихъ текстахъ: «ни мыслию съмыслити», «не мыслию ти перелетѣти», «хоробая мысль носить (у) ваю умъ на дѣло», «мыслию поля мѣрнѣти»; Ярославъ Галицкій прозывается «Осмомысломъ». Въ параллельномъ текстѣ Задонщины рѣчь точно также идетъ о мысли: «поразимся мыслию надъ землями». Въ Словѣ о Житіи Макарія Римскаго говорится: «летая мыслью подъ небесѣмъ, яко орель», въ Поученіи Кирилла Философа: «полетай мыслью своею, аки орель по воздуху» и у Даниила Заточника: «и быхъ ларя мыслью своею, аки орель по воздуху». «Дерево» встрѣчается въ скандинавскомъ эпосѣ: «изъ храма словъ выростаетъ у меня дерево пѣснь, покрытое листвою словъ».

«Помняше бо рѣчь пьрвыхъ веремьнъ усобицѣ». «Рѣчь» въ Арх. сп. съ буквой «ѣ», а въ Мус. Пушк. сп. съ буквой «е». «Рѣчь» — сказаніе, преданіе, не имѣетъ отношенія къ глагольной формѣ «рече». Усобица въ древне-русской формѣ родительнаго падежа единственнаго числа: «усобицѣ».

«Которыѣ дотечяше, та переди... пѣснь пояше». «Лебедь» женскаго рода. «Которыѣ» (а не «который») согласовано съ «лебедью», а не съ соколомъ. «Дотечяти» значитъ касаться, достигать. Этотъ глаголтъ встрѣчается ниже въ другомъ текстѣ: «дотече ся стружиемъ золота стола кыевского». Въ первомъ текстѣ «дотечяти» въ имперфектѣ, безъ мѣстоименія «ся», а во второмъ текстѣ онъ въ аористѣ, съ мѣстоименіемъ «ся». «Переди» (преди) значитъ прежде, а не «первая»; ниже «на переди», что значитъ заранѣе. Послѣ «переди» подразумѣвается или пропущено: «съмърти». Рѣчь ведется о предсмертной пѣсни «лебеди».

«Отъ старого Володимера». «Старый», т. е. прежній Владиміръ — Владиміръ Мономахъ, а не Владиміръ Святой. Нижеслѣдующія данныя приводятъ къ этому заключенію. «Старый Владиміръ» упомянутъ послѣ «старога Ярослава» и послѣ «храбраго Мстислава». Ярославъ и Мстиславъ были сыновьями Владиміра Святого. Если бы «старый Владиміръ» былъ Владиміромъ Святымъ, то онъ былъ бы упомянутъ до, а не послѣ своихъ сыновей. Ниже приводится слѣдующій текстъ: «Того старога Володимера не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кыевскимъ: сего бо нынѣ (одныи) стязи Рюрикови, а друзии Давыдови». Рюрикъ и Давидъ были Мономаховичами. Ольговичи въ приводимомъ текстѣ не указаны. Если бы «старый Владиміръ» былъ Владиміромъ Святымъ, то имѣлось бы указаніе и объ Ольговичахъ. Владиміръ Мономахъ упомянутъ еще въ одномъ текстѣ: «А Володимеръ, сынгъ Всеволожь, повься утръ уши закладаше въ Чърниговѣ».

Обращеніе къ Бояну служитъ продолженіемъ словъ, сказанныхъ о немъ выше, и поясняетъ, какъ слѣдуетъ начать пѣснь объ Игоревомъ походѣ. Посланіе Всеволода было получено Игоремъ до его выступленія въ походъ, тогда какъ затменіе произошло во время похода. Слова, произнесенныя Игоремъ по поводу затменія, въ оригиналѣ (въ дошедшемъ до насъ, въ неисправленномъ текстѣ) перестановлены: они приводятся до обращенія къ Бояну и до посланія Всеволода.

«Соловію старога времени»; «соловію» — соловей въ церковно-славянской формѣ съ полногласіемъ. «Скача славію по мыслену древу»: славію — соловей въ церковно-славянской формѣ безъ полногласія. Соловей въ обѣихъ

формахъ въ звательномъ падежѣ. **«Свивая славы»:** «славы» — слава въ родительномъ падежѣ единственнаго числа. Ниже обѣ формы соловья, древне-русская и церковно-славянская, встрѣчаются снова: «соловиі веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ», «щекоть славій успе». Въ параллельномъ текстѣ Задонщины соловей также, какъ и въ Словѣ, упомянуть два раза, а слава одинъ разъ: «О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, солсвей пощекоталь (въ вариантѣ: выщекоталь) славу», слѣдовательно предположеніе, что «славию по мыслену древу», будто бы, значить: «славою по дереву мысли» ошибочно.

«Свивая славы», а также ниже въ текстахъ: «ищюче собѣ чѣсти, а князю славы» (дважды), «забывъшю чѣсти и живота, и города Чернигова, отъня золота стола, и своеѣ милыѣ хоти, красныѣ Глѣбовыни, съвычяя и обычяя», «руського золота насыпавъшя», «а поискати города Тмутороканя» и «а собѣ славы искати», дѣйствіе касается не всего предмета, а только части его, поэтому дополненія не въ винительномъ, а въ родительномъ падежѣ.

«Оба полы сего веремене». Одна спорна «сего веремене» — «отъ старого Володимера»: символъ прошлаго, другая сторона «сего веремене» — «до нынѣшнього Игоря»: символъ настоящаго, слѣдовательно «обѣ стороны этого времени» — прошлое и настоящее. На этомъ основаніи полагаемъ, что въ дошедшемъ до насъ текстѣ Слова послѣ словъ: «Почнѣмъ же, братие, повѣсть сию отъ старого Володимера до нынѣшнього Игоря», пропуска нѣтъ.

«Троянъ» упомянуть въ Словѣ четыре раза въ формѣ прилагательнаго: «въ тропу Трояню», «вѣци Трояни», «на землю Трояню» и «на седьмомъ вѣцѣ Трояни». Согласно Хожденію Богородицы по Мукамъ Троянъ былъ языческимъ божествомъ: «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на боги обратиша» и «да быша разумѣли многіи челоувѣци, и въ прельсть велику не ввидуть, мняще боги многы: Перуна и Хорса, Дья и Трояна». Валь, ограждавшій Кіевъ съ юга ютъ набѣговъ кочевниковъ, назывался «Трояновымъ», а также «Зміевымъ валомъ». Согласно лѣтописи онъ былъ воздвигнутъ въ 988 г. при Владимірѣ Святомъ и расширенъ въ 1032 г. при Ярославѣ Мудромъ. «Змій» символизируетъ зло. Сопоставленіе Трояна со Зміемъ приводитъ насъ къ заключенію, что Троянъ былъ злымъ божествомъ.

«Троянова тропа» — путь изъ Трояновой земли, изъ приазовскихъ «полей» къ кіевскимъ «горамъ». Этимъ путемъ пользовались Тмутороканскіе князья (храбрый Мстиславъ, прекрасный Романъ и Олегъ Гореславичъ) во время междуусобныхъ войнъ съ Кіевскими князьями. Боянъ, вспоминая княжескія усобицы, рыскалъ, подобно сѣрому волку, по Трояновой тропѣ «чересь поля на горы».

«Трояновы вѣка» — эпоха зла, время княжескихъ усобицъ. Она комментируется Ярославовыми лѣтами и Олеговыми походами, во время которыхъ Ярославъ Мудрый, подобно Владиміру Мономаху, тоже слышалъ звонъ стремени, а Владиміръ, сынъ Всеволодовъ, принималъ мѣры для обороны Чернигова отъ Олега Гореславича, затыкая наглухо проушины (отверстія) въ стѣнахъ Чернигова.

«Троянова земля» — побережье Азовскаго моря. Обида въ образѣ дѣвы вступила на Троянову землю и всплескала лебедиными крыльями на синемъ морѣ у Дона, слѣдовательно Троянова земля находилась на побережьи Азовскаго моря. Троя, нынѣ мѣстечко Трояны, была однимъ изъ городовъ Трояновой земли. Трояновъ валь ограждать Кіевъ отъ Трояновой земли.

Трояновъ валъ и Троянова тропа, а слѣдовательно и Троянова земля, существовали во времена Владиміра Святого и его сыновей. Троянова земля, Трояновъ валъ и Троянова тропа назывались Трояновыми несомнѣнно задолго до переселенія половцевъ въ Черноморскія и Приазовскія степи.

«На седьмомъ Трояновомъ вѣкѣ» Всеславъ бросилъ жребий «о возлюбленную ему дѣвицу», т. е. о полюбившемся ему удѣлѣ, о Новгородѣ. Выраженіе «седьмой вѣкѣ» встрѣчается неоднократно въ древне-русскихъ произведеніяхъ въ значеніи седьмого тысячелѣтія отъ сотворенія міра. Въ представленіи автора Слова «седьмой вѣкѣ» находится въ обладаніи злого божества Трояна, поэтому онъ его называетъ «Трояновымъ». «Седьмой Трояновъ вѣкѣ» комментируется усобицей Всеслава Полоцкаго съ Ярославичами.

Предположеніе, что Троянъ — имп. Траянъ, и другое, что Трояны — Рюрикъ, неправдоподобны. Имп. Траянъ жилъ за девять, а не за семь столѣтій до Всеслава Полоцкаго. Рюрикъ приходился Всеславу предкомъ въ седьмомъ поколѣніи, но вѣкъ не соответствуетъ поколѣнію. Рюрикъ былъ однимъ изъ трехъ братьевъ, призванныхъ на княженіе, но онъ княжилъ въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ. Подобно имп. Траяну, Рюрикъ не имѣлъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ степямъ, гдѣ впоследствии кочевали половцы, поэтому валъ, тропа, вѣка и земля не могли называться Трояновыми въ честь и память имп. Траяна или Рюрика. Имя Трояна сохранилось въ рядѣ топографическихъ названій. Арабскій географъ 12-го столѣтія Идриси упоминаетъ о половецкомъ городѣ Труя (нынѣ мѣстечко Трояны, близъ города Бердянска въ районѣ Азовскаго моря); въ Болгаріи имѣется городъ, носящій названіе Трояна. Возможно, что Труанъ, одинъ изъ пословъ Олега Вѣщаго, подписавшій договоръ 911 г. съ греками, носилъ видоизмененное имя Трояна.

«Того внуку» и ниже **«тъи рекль»**. Оба выраженія относятся къ автору Слова, преемнику (внуку) пѣснотворца и пѣснопѣвца Бояна. Составители Арх. и Мус. Пушк. списковъ Слова ошибочно рѣшили, что «того внуку» относится къ Игорю, Ольгову внуку. Что касается Бояна, то онъ именуется «Велесовымъ внукомъ». Очевидно языческое божество Велесъ почиталось покровителемъ поэзіи и музыки, а не только скотоводства и богатства.

«Чи ли воспѣти было» и ниже **«не тако ли рече рѣка Стугна»**. Въ этихъ текстахъ «ли» является утвердительной, а не вопросительной частицей союза «или». «Чи ли» въ переводѣ значитъ «если бы», а «не тако ли» значитъ «не такъ бы». Утвердительная частица «ли» встрѣчается также и въ другихъ произведеніяхъ: Въ 13-ти словахъ Григорія Назіанзина: «Кѣде ли положи-ти», въ житіи Андрея Юродиваго: «Гдѣ ли бы (было) обрѣсти его» и въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ черноризца Іакова: «Како ли убо обрящу тогда, кыи ли ми будетъ отвѣтъ тогда, гдѣ ли скрью множества грѣха моего».

«Пѣснь Игоревѣ» (пѣснь объ Игорѣ). Если бы (абы) Боянъ ушеко-талъ (воспѣлъ по соловьиному) эти (храбрые Игоревѣ) полки, то преемнику Бояна (того внуку) пришлось бы спѣть пѣснь объ Игорѣ (по Боянову замышленію): «Не буря занесла соколовъ (русскихъ) черезъ широкія поля, галки (половцы) устремляются къ великому Дону». Авторъ Слова спрашиваетъ, если бы («чи ли») воспѣть было (пѣснь объ Игорѣ по событіямъ настоящаго времени такъ): «Кони ржутъ за Сулою, слава звенить въ

Кіевъ, трубы трубятъ въ Новгородъ, стяги стоятъ въ Путивль?» Слова «кони ржутъ за Сулою, слава звенитъ въ Кіевъ» относятся къ побѣдѣ 1 марта 1184 г., одержанной в. кн. Святославомъ Всеволодовичемъ надъ половцами за Сулою на рѣкѣ Хоролѣ, и къ ликованію по этому поводу въ Кіевѣ. Слова «трубы трубятъ въ Новгородъ (Сѣверскомъ), стяги стоятъ въ Путивль» относятся къ сосредоточенію Игорева войска для предстоящаго похода на половцевъ.

Посланіе Всеволода. Весною 1184 г. вскорѣ послѣ сраженія на Хоролѣ состоялось совѣщаніе Сѣверскихъ князей: Игоря Новгородъ-Сѣверскаго, Всеволода Трубецкаго, Святослава Рылскаго и Владиміра Путивльскаго. Князья рѣшили выступить въ походъ противъ половцевъ самостоятельно, безъ участія другихъ князей. Ниже приводятся слова Игоря и Всеволода, произнесенныя ими на этомъ совѣщаніи: «сами будемъ мужественными, сами овладѣмъ предстоящей славой, а послѣдующей сами подѣлимся». Въ лѣтописи нѣтъ указанія на вторичный пріѣздъ Всеволода къ Игорю. Неправдоподобно, чтобы Всеволодъ могъ отлучиться отъ своего войска наканунѣ выступленія. Посланіе Всеволода было очевидно передано Игорю черезъ гонца въ устной передачѣ и произнесено, какъ это тогда было принято, въ первомъ лицѣ.

Буитуръ и Яртуръ. «Буи» и «Яръ» несклоняемыя части прозвища, поэтому Буитуръ и Яртуръ, подобно существительному буйволъ, слѣдуетъ писать слитно. Трубечы (Трубецкѣ), нынѣ Трубчевскѣ, былъ удѣльнымъ городомъ Всеволода, слѣдовательно онъ былъ княземъ Трубецкимъ, а не Трубчевскимъ.

«**Ти**» в посланіи Всеволода Буйтура: «а мои ти (комони)... а мои ти куряне», и въ поговоркѣ Бояна: «тяжко ти головѣ..., зло ти тѣлу» — междометіе. «**Ти**» въ обращеніи къ Всеволоду Владимірскому и Суздальскому: «не мыслию ти перелетѣти», въ обращеніи къ Роману и Мстиславу Волинскимъ: «Донъ ти, княже, кличетъ», въ плачѣ Ярославны: «мало ти бяше» и въ діалогѣ Донца съ Игоремъ: «не мало ти величія» (дважды) — краткая форма мѣстоименія второго лица, въ дательномъ падежѣ единственнаго числа.

«**Кѣметъ**» воинъ по вольному найму, онъ поступалъ на службу со своимъ конемъ и при своемъ оружіи. «Кѣметъ (кметъ) встрѣчается въ древне-сербскомъ и въ древне-грузинскомъ языкахъ въ значеніи вассала. Въ современномъ сербскомъ и въ польскомъ языкахъ — «кметъ» принялъ иное значеніе: «кметъ» въ сербскомъ языкѣ — сельскій староста, помощникъ судьи, а въ польскомъ языкѣ — слуга, земледѣлецъ.

«**На щитѣ рожени**». Этихъ словъ въ оригиналѣ нѣтъ. Предполагаемъ, что они были пропущены при перепискѣ Слова, но сохранились въ параллельномъ текстѣ Задонщины: «на щитѣ рожены, подѣ трубами поютъ, подѣ шеломы възлетѣяны, конецъ копія вскормлены, съ востраго меча поены».

«**О коньць копія**» и ниже «**о коньць поля**». Въ оригиналѣ оба выраженія безъ предлога «о». «Коньць» въ винительномъ падежѣ. Ниже встрѣчаются выраженія: «о шеломы» (дважды) и «о дѣвицю собѣ любу». «Шеломы» и «дѣвицю любу» съ предлогомъ «о» въ винительномъ падежѣ.

«**Луци напряжени**» и ниже «**луки съпряже**». Пряжа - тетива. «Напряженные луки» — нагнутые луки, дающіе напряженіе. «Сопряженные луки» — согнутые, поврежденные зноемъ луки, они безъ напряженія и не разгибаются.

«Луче же бы потяту быти, неже полонену быти». «Потяти» и «потяпати» значить порубить. Случалось, что тѣла убитыхъ противниковъ разрубались и бросались на съѣденіе животнымъ. Подобный случай приводится въ Поученіи Владиміра Мономаха: убитые половцы были порублены и брошены въ рѣку на съѣденіе рыбамъ.

«Съпала князю умъ (отъ) похоти и жядость ему знамение заступи». «Съпалати» значить воспалить. «Князю» въ дательномъ падежѣ принадлежности, онъ соотвѣтствуетъ родительному падежу. «Похоть» — страстное желаніе, въ оригиналѣ приводится въ родительномъ падежѣ безъ предлога «отъ». Въ неисправленномъ текстѣ «жядость» ошибочно замѣнена «жалостью»: рѣчь идетъ о «жядости», о жаднѣ отвѣдать великаго Дона, а не о «жалости».

«Копие приломити» и ниже «ту ся копиемъ приломати». «Приломити» и «приломати» значить надломить и надломать, а «переломити» (преломити) — сломать.

«Русичи» упомянуты въ четырехъ текстахъ. «Русичи» — сыны «земли Русьской» въ формѣ отчества. Ниже въ другомъ текстѣ значатся «венедичи». Въ лѣтописи упоминаются «нѣмчичи» и «литовчичи». «Русичи» встрѣчаются только въ Словѣ, но въ малороссійскихъ думахъ приводится похожее названіе — «русовичи». Рядъ русскихъ племенъ носили подобное по формѣ наименованіе: кривичи, вятичи, радимичи, дреговичи и уличи. Нерѣдко горожане носятъ названіе, соотвѣтствующее наименованію города, въ которомъ они родились или обитаютъ: москвичи, псковичи, рязановичи и пр.

«Ночь станучи ему грозою пятиць упуди». Этотъ текстъ въ оригиналѣ поврежденъ: причастіе «станучи» ошибочно замѣнено причастіемъ «стонуши», а вмѣсто глагола «упуди» приводится глаголѣ «убуди». «Станути» значить становиться. Этотъ глаголѣ сохранился въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. «Станучи» причастіе настоящаго времени, согласовано съ ночью: «ночь становясь». «Упуди» въ формѣ аориста, инфинитивъ этого глагола «упудити». Ниже встрѣчается причастіе прошедшаго времени того же корня: «роспуджены». «Упудити» значить угнать. Глаголы «пудити» и «распудити» — гнать и разогнать, сохранились въ сербскомъ языкѣ. Неправильная замѣна «упуди» — «убуди» повторяется также въ другомъ текстѣ: «плещючи упуди (а не убуди) жирьна веремена», т. е. «плещучи угнала юбилійнаго времена». Что касается глагола «убудити» — пробудить, то онъ встрѣчается въ Словѣ дважды: «говоръ галичь убуди ся» и «уже лъжю убудисте». «Ночь» — затменіе, а «гроза» — грозное знаменіе, предостереженіе. «Гроза» въ древне-русскомъ языкѣ носить значеніе ужаса, угрозы, грознаго предупрежденія, а не ненастья, какъ въ современномъ русскомъ языкѣ. О вѣтрѣ можно сказать, что онъ стонетъ, но о грозѣ — ненастьѣ этого сказать нельзя: гроза не стонетъ, а гремитъ. «Гроза» въ формѣ существительнаго и прилагательнаго сохранила въ Словѣ свое первоначальное значеніе, что явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ текстовъ: «вълиши грозу възрожать», «Святъ-славъ грозныи великыи Киевскыи грозою бяше притрепеталь», «грозы твоѣ по землямъ текутъ», «онымъ грознымъ полочьяномъ». Игорь отнесся хладнокровно къ предназначавшемуся ему грозному предназначенію, тогда какъ птица оно угнало. Дневныя птицы во время затменія прячутся и умолкаютъ, а ночныя птицы пробуждаются. Авторъ Слова имѣетъ въ виду дневныхъ птицъ.

«Свистъ звѣринъ вѣста, възби (ся) дивъ, кличетъ върху дерева». «Дивъ» — чудовище. «Дивъ» въ значеніи чудовища приводится въ Четви Минеяхъ, въ житіи св. Власія: «въ дивъ превратити». Согласно свидѣтельскому данному въ недалекомъ прошломъ простонародье въ Курской губерніи называло филина «дивомъ». «Дивъ» въ значеніи филина, повидимому, былъ извѣстенъ редакторамъ перваго изданія Слова, въ переводѣ котораго «дивъ» именуется филиномъ. «Дивъ» упомянуть ниже въ другомъ текстѣ: «върже ся дивъ на землю». Вѣроятно онъ низвергся на землю съ вершины дерева, съ котораго онъ билъ половцамъ тревогу о надвигавшейся опасности, о наступленіи на нихъ Игоря. Въ Арх. сп. слова: «свистъ звѣринъ въ стазби» отсутствуютъ, повидимому, они были при перепискѣ случайно пропущены. Соловей Разбойникъ въ народномъ эпосѣ, подобно «диву» «засвисталъ по соловьюму, закричалъ по звѣриному». Звѣриный свистъ — неистовый свистъ, закричать по звѣриному значитъ закричать неистово. Глаголь «възбити» встрѣчается ниже: «Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ высоко пѣтицѣ възбиваетъ». «Дивъ» кличетъ съ вершины дерева, слѣдовательно эпизодъ съ «дивомъ» происходитъ въ лѣсу, во время затменія на лѣсистомъ берегу Донца, а не до выступленія Игоря въ походъ и не въ степи.

«И тобѣ, Тьмуроканьскыи бълване». «Тьмуроканскій болванъ» приводится въ перечнѣ странъ, находящихся въ невѣдѣніи о наступленіи Игоря, слѣдовательно, онъ является топографическимъ названіемъ, а не идоломъ или истуканомъ. Первоначальное значеніе «бълвана» — столпъ, колонна. Въ современныхъ сербскомъ и болгарскомъ языкахъ «балванъ» сохранилъ это значеніе. «Бълванъ» носитъ значеніе столпа въ Изборникѣ 1073 г.: «жена же его (Лота) бълванъ бы сланъ» и въ 23-ей главѣ Златоструя: «да не будеши бълванъ сольный». Въ металлургіи слитокъ называется «болванкой». Христіанскіе проповѣдники поясняли язычникамъ, что идолы и истуканы неодухотворенные предметы — «болваны», вслѣдствіе чего болванъ приобрѣлъ новое значеніе и превратился въ синонимъ идола и истукана. Греки нерѣдко называли мысы и утесы «стеле», что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ столпъ. Мысы, образующіе Гибралтарскій проливъ именовались «Геркулесовыми столпами», т. е. болванами, «утесами, что приводитъ насъ къ заключенію, что «Тьмуроканьскыи бълванъ» является древнимъ названіемъ Таманскаго полуострова.

«Лебеди роспужены». «Роспужены» причастіе глагола «роспудити», согласованное съ лебедями. Лебеди въ Словѣ женскаго рода, поэтому «роспужены» должно заканчиваться на «ы», а не на «и». «Пудити» значитъ гнать, «упудити» — угнать, а «роспудити» — разогнать. «Роспудити» не имѣетъ никакого отношенія къ современному искаженному народному глаголу «распужать». Причастіе «распуженный» въ значеніи «распуганный» въ древне-русскомъ языкѣ не встрѣчается. Переписчики Слова замѣнили позабытое и непонятное имъ причастіе «роспужены» другимъ: «ропущени». Половцы устремились по «неготовымъ дорогамъ» къ великому Дону. Скриль ихъ телѣгъ раздавался въ полночь и былъ подобенъ крику разогнанныхъ лебедей. Выраженіе «неготовыми дорогами» повторяется въ 4-ой Новгородской лѣтописи, значитъ не по существующимъ протореннымъ дорогамъ, а напрямикъ, по бездорожью. «Полу ночи» два отдѣльныхъ слова: «полу» въ предложномъ, а «ночи» въ родительномъ падежѣ.

«Уже бо бѣды его пасуть пѣтицѣ по дубню» — птицы по дубравамъ стерегутъ Игоревы бѣды. Въ оригиналѣ этотъ текстъ искаженъ: «уже бо

бѣды его пасеть птиць подобію», при чемъ послѣднее слово отнесено ошибочно къ слѣдующей фразѣ.

«**Вълци грозу възрожать по яругамъ**». «Рогъ» является корнемъ глагола «възрожити». «Рожити» значить дуть въ рогъ, трубить изъ рога, выть. Вой волка похожъ на звукъ рога. «Възрожити» значить вострубить, навывать. Волки «грозу възрожать», они навываютъ ужасъ. Выраженіе «волки рожать» и «лисицы брешутъ» — охотничьи термины.

«**О Русьская землѣ, уже за шеломень еси**». Это восклицаніе приводитъ дважды «Шеломя» — сторожевой холмъ, встрѣчается неоднократно въ древне-русскихъ произведеніяхъ.

«**Дълго ночь мъркнеть, зорѣ свѣтъ запала**». Рѣчь идетъ о продолжительномъ ночномъ мракѣ и о наступающей утренней зорѣ передъ сраженіемъ. «Мъркнути» значить мрачить, наводить мракъ. Ниже «дѣвъ сълыны помъркосте» и «идуть съмърчи мългзми». «Помъркнути» значить помрачить, а «съмърчь» — сумракъ, а не смерчь. Первоначально «заря» съ буквой «а» означала вечернюю зарю, а «зоря» съ буквой «о» утреннюю зарю. Впослѣдствіи произошло смѣшеніе обоихъ словъ. Въ древне-болгарскомъ языкѣ заря въ единственномъ числѣ, въ именительномъ падежѣ заканчивалась на йотированное «а», а въ родительномъ падежѣ того же числа заканчивалась на малый юсь. Въ оригиналѣ, въ приводимомъ текстѣ, «заря» въ родительномъ падежѣ съ окончаніемъ на малый юсь, въ древне-болгарской формѣ. Соответствующая древне-русская форма: «зарѣ», съ окончаніемъ на «ѣ». Исправляемъ текстъ оригинала, замѣняя зарю съ буквой «а» и съ окончаніемъ на малый юсь зорей съ буквой «о» и съ окончаніемъ на «ѣ». Глаголы «запалати» и выше «съпалати» въ формѣ аориста. Птицы предвидятъ поражение Игоря: соловьиный щекоть уснулъ, галочій говоръ пробудился. Прилагательное галочій приводится въ краткой формѣ: «галичь». Впослѣдствіи во время бѣгства Игоря изъ плѣна соловьи веселыми пѣснями возвѣщаютъ свѣтъ, а галки призамолкли.

Походъ Игоря. На второй день Пасхи, 23 апрѣля 1185 г. Игорь выступилъ изъ Новгорода Сѣверскаго въ походъ. На слѣдующій день къ вечеру онъ достигъ Путивля, тамъ находился его сынъ Владиміръ съ передовымъ полкомъ. Изъ Путивля онъ направился къ Донцу. Вслѣдствіе «тучности, перекормленности коней войско шло медленно и только къ 1 маю подошло къ Донцу недалеко отъ нынѣшняго города Чугуева. Въ тотъ же день въ 5 часовъ пополудни произошло солнечное затменіе. Воины сочли затменіе за грозное предзнаменованіе, что, однако, не помѣшало Игорю въ тотъ же вечеръ переправиться черезъ Донецъ. Дальнѣйшій путь слѣдоваль по лѣвому берегу Донца, который прикрываль его войско отъ возможнаго нападенія половцевъ ему во флангъ или въ тылъ. 2-го мая къ вечеру Игорь достигъ Оскола. Вторично Игорь черезъ Донецъ не переправлялся: въ первыхъ числахъ мая Донецъ на своемъ среднемъ и нижнемъ теченіи еще слишкомъ многоводенъ для переправы черезъ него въ бродъ. Въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній о вторичной переправѣ Игоря черезъ Донецъ. Никакого сраженія съ половцами въ теченіе 3-го по 5-ое мая не происходило: 3-го и 4-го мая Игорь былъ на Осколѣ, а не на Торцѣ, находившемся къ тому же по ту сторону Донца. Отрядъ ковуевъ, посланный для поимки языка, донесъ, что встрѣтилъ половцевъ въ полной боевой готовности и совѣтоваль Игорю либо произвести быстрое наступленіе, либо отступить. Игорь рѣшилъ, что нельзя вернуться домой, не сразившись съ непріателемъ.

Онъ продолжалъ слѣдовать по прежнему по лѣвому, отлогому берегу Донца по направленію къ Сальницѣ, къ одному изъ притоковъ Донца, носившему это названіе. Въ пятницу на разсвѣтъ 10-го мая на рѣкѣ Сюрліи (нынѣ Быстрой) Игорь столкнулся съ передовымъ полкомъ половцевъ. Завязался бой. Святославъ Ольговичъ и Владиміръ Игоревичъ потѣснили непріятеля и преслѣдовали его до Каялы (нынѣ Кагалъника), притока Дона. Были захвачены половецкія вѣжи и большая добыча. Игорь намѣревался отойти къ Донцу, но по настоянію Святослава и Всеволода войско, утомленное наканунѣ ночнымъ переходомъ, сраженіемъ и преслѣдованіемъ противника, осталось кочевать на полѣ брани: «дремлетъ в поли Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло». Тѣмъ временемъ Кончакъ и Гза (Коза, онъ же Козакъ) подошли съ главными силами половцевъ, на разсвѣтъ 11-го мая окружили Игореву войско и отрѣзали его отъ рѣки. Игорь могъ бы вырваться изъ окруженія, но онъ не счелъ возможнымъ бросить на произволъ судьбы «черныхъ людей», обслуживавшихъ обозъ. Пришлось отступать въ пѣшемъ строю по безводной и необитаемой степи, по «пустыни». Игорь былъ раненъ копьемъ въ лѣвую руку, но продолжалъ оставаться въ строю. На слѣдующее утро 12-го мая вспомогательный полкъ ковуевъ не выдержалъ натиска половцевъ и обратился въ бѣгство. Игорь безуспѣшно пытался ихъ остановить: «Игорь пылки заворочяеть». Возвращаясь обратно къ своему войску, онъ былъ настигнутъ половцами и взятъ въ плѣнъ. Находясь у нихъ, Игорю пришлось быть свидѣтелемъ развязки. Всеволодъ продолжалъ отчаянно сопротивляться, и Игорю было «жаль мила брата Всеволода». Къ полдню 12-го мая «пали Игоревы стязи». Всѣ четверо князей и воины, уцѣлѣвшіе изъ пяти тысячнаго войска, были взяты въ плѣнъ, лишь нѣсколькимъ удалось бѣжать и вернуться на родину.

«Оксамити». Въ числѣ добычи, захваченной въ сраженіи на Сюрліи, упомянуты «дорогьи оксамити». По ошибочному мнѣнію комментаторовъ «оксамитъ» или «аксамитъ» греческое слово: шесть по гречески «экса», а нить — «митасъ». «Оксамитъ» по ихъ мнѣнію шестинитяная ткань. Подобныхъ тканей нигдѣ и никогда не было. «Оксамитъ» повидимому представляетъ собою ориентализмъ, заимствованный греками у восточныхъ арійскихъ народовъ и воспринятый затѣмъ на Руси. «Окса» соответствуетъ литовскому «ауксасъ», что значитъ золото, а «оксамитъ» — «ауксамитасъ», что значитъ парча. Какъ извѣстно, литовскій языкъ богатъ древне-арійскими архаизмами.

Глаголь «потручяти» встрѣчается только въ Словѣ, но извѣстны провинциализмы «трутить» — тереть и «натручатъ» — натирать, набивать. «Потручяти ся» значитъ побиваться.

«Пороси поля прикрывають». «Пороси» — «порохъ» во множественномъ числѣ. «Порохъ» — прахъ, пыль. Въ приводимомъ текстѣ «порохъ» во множественномъ числѣ съ цѣлью отмѣтить, что пыли много, она густо прикрываетъ поля.

«Стязи гологолють». «Глаголати» съ полногласіемъ — «гологолати». Этотъ глаголь сохранился въ современномъ народномъ языкѣ и значитъ болтать. Полотнища стяговъ плещутъ, что авторъ Слова уподобляетъ болтовнѣ.

«Яртуръ Всеволодъ въ бою». Авторъ Слова обращается къ Всеволоду въ звательномъ падежѣ и во второмъ лицѣ: «Яртуре Всеволоде, стоиши

на борони, прыщещи..., гримлещи»; даетъ поясненіе о Всеволодѣ въ имени-тельномъ падежѣ, говоря о немъ въ третьемъ лицѣ: «Турь поскочающе»; снова обращается къ Всеволоду въ звательномъ падежѣ и во второмъ лицѣ: «отъ тебе, Ярѣтуре Всеволоде»; задаетъ вопросъ: «**Кая рана дорога?**», что въ переводѣ значитъ: «Какая рана дорога?» (Развѣ рана страшна?).

«Боронь» древне-русская полногласная форма брани. «На борони» значитъ «на полѣ брани», а не «на оборонѣ». **«Съвычяи и обычяи»** въ буквальномъ переводѣ: привычка и обычай, но изъ значеніи словъ «съвычъникъ» и «обычъникъ» явствуетъ, что имѣются въ виду привязанность и преданность. «Съвычяи и обычяи» обыкновенно переводятся «любовью и лаской», что является неточностью.

«Были вѣщи Трояни: минула лѣта Ярослава, были пълци Ольгови». Выше было отмѣчено, что «Трояновы вѣща» комментируются временами Ярослава Мудраго и походами Олега Святославовича. Въ 1023-1024 гг. разыгралась междуусобная война Ярослава съ его братомъ кн. Тмутороканскимъ Мстиславомъ Владиміровичемъ. Въ вступленіи Ярославъ именуется «старымъ», т. е. прежнимъ, а Мстиславъ «храбрымъ». Въ 1078 и въ 1094 гг. происходили походы Олега Святославовича изъ Тмуторокани въ Черниговъ противъ Всеволода Ярославовича и его сына Владиміра Мономаха. Авторъ Слова говоритъ объ Олгѣ: «вѣдь тотъ Олегъ вступалъ въ городѣ Тмуторокани въ золотое стремя». Затѣмъ рѣчь снова переходитъ на Ярослава Мудраго: «давнишній великій Ярославъ тоже (тѣ же, а не той же) слышалъ звонъ», подразумевается «стремени» и имѣется въ виду походъ Мстислава изъ Тмуторокани въ Черниговъ противъ своего брата Ярослава. Въ этомъ текстѣ Ярославъ называется «давнишнимъ» (давнымъ), т. е. жившимъ задолго до Игоря. Далѣе авторъ Слова говоритъ: **«а Володимірь, сынъ Всеволожь, повсяся утръ уши закладаше въ Черниговѣ».** Въ неисправленномъ текстѣ слова «а Владимірь» неправильно перестановлены; они приводятся не до, а послѣ «сынъ Всеволожь», и нарѣчіе «утръ» ошибочно замѣнено существительнымъ «утра». Въ этомъ текстѣ говорится о событіяхъ 1094 г., когда Владимірь Мономахъ принималъ мѣры для обороны Чернигова отъ Олега: «а Владимірь, сынъ Всеволодовъ, совсѣмъ (повсяся) во внутрь (утрѣ) проушины (уши) затыкалъ (въ стѣнахъ) Чернигова. Нарѣчіе «повсяся» (повся), по сербски «посве», значитъ совсѣмъ. «Утръ» (во внутрь) писалось въ древне-болгарскомъ языкѣ съ большимъ юсомъ, а «утро» (начало дня) съ «ю». «Утръ» встрѣчается ниже въ другомъ текстѣ: «Утръ (утрѣ) же вѣнзи стрікусы» — во внутрь же вонзилъ острозубцы. Въ древности существовало два слова, одно «ушь» мужескаго рода — отверстіе и другое «ухо» средняго рода — органъ слуха: оба во множественномъ числѣ сохранились въ сербскомъ языкѣ. Въ Евангеліи «игольными ушами» называются небольшія ворота въ стѣнахъ Іерусалима. «Ушь» хотя и встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ, но принялъ совсѣмъ иное значеніе. Затѣмъ авторъ Слова упоминаетъ о другомъ походѣ Олега, случившемся раньше, въ 1078 г. 3 октября 1078 г. на берегахъ рѣчки Канинѣ, на Нѣжатиной Нивѣ близъ Чернигова разыгрался бой, во время котораго были убиты с одной стороны в. кн. Изяславъ Ярославовичъ, а съ другой кн. Борисъ Вячеславовичъ. О смерти послѣдняго авторъ Слова говоритъ слѣдующее: «Бориса же Вячеславича слава (желаніе славы) привела на (Божій) судъ и за Олегову обиду постгала храброму и молодому князю на Канинѣ зеленое покрывало». Относительно смерти Изяслава сказано: «съ тоѣ же (съ той же, а не съ та-

кой же) Канины» (въ дошедшемъ до насъ текстѣ ошибочно: «Каялы», вмѣсто «Канины») Святополкъ убаякивалъ (въ томъ же текстѣ ошибочно: «повелѣя», вмѣсто «полелѣя») «отця своего межю угърскими иноходцы къ Святѣи Софии къ Киеву», т. е. по направленію къ храму и къ городу. Этотъ же текстъ безъ предлоговъ «къ» означалъ бы, что Святополкъ «полелѣялъ» своего отца къ Святой Софіи и къ Киеву съ заходомъ въ храмъ и въ городъ, что противорѣчило бы лѣтописи: по дорогѣ въ Кіевъ, въ Городицѣ Остерскомъ Ярополкъ, старшій сынъ Изяслава, встрѣчалъ тѣло убитаго отца и онъ, а не Святополкъ, оттуда отвезъ тѣло на ладьяхъ для погребенія въ Кіевъ. Отпѣваніе Изяслава повидимому состоялось въ каѳедральномъ соборѣ Святой Софіи, а погребеніе въ княжеской усыпальницѣ въ Десятинной церкви. Иноходцы приводятся во множественномъ, а не въ двойственномъ числѣ, значить ихъ было нѣсколько, а не двое. При Олегѣ, котораго авторъ Слова именуеть «Гориславичемъ», т. е. «Гореславичемъ», «рѣдько ратаеве кыка-ху». «Кыкати» значить кликать. Этотъ глаголъ встрѣчается въ другомъ текстѣ: «зегъзицею незнаема рано кычетъ». Въ исправленномъ текстѣ сказано: «хотятъ», замѣняемъ «хотятъ» причастіемъ «хотятчѣ» на основаніи аналогіи съ «дѣляче»; «хотятчѣ» съ буквой «ѣ» форма женскаго рода, а «дѣляче» съ буквой «е» форма мужскаго рода. «Уѣдие» — клеветъ, а не кормежка или пожива. Писецъ Діомидъ въ послѣсловіи къ Апостолу 1307 г. перефразировалъ текстъ: «Тыгда при Ользѣ Гориславичи сѣяше ся и роставше усобицями, погыбаше жизнь Дажьбожья вѣнука, въ княжихъ коромлахъ вѣдци чловѣкомъ съкоротишя ся», слѣдующимъ образомъ: «При сихъ князехъ сѣяшеться и роставше усобицями, гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы, и вѣдци скоротишася чловѣкомъ». Отмѣтимъ, что слова «при сихъ князехъ» относятся къ кн. Юрію Даниіловичу Московскому и къ кн. Михаилу Ярославовичу Тверскому. «Чловѣкомъ» въ обоихъ текстахъ въ дательномъ падежѣ принадлежности.

«Ничить трава (съ) жялостями (жалощами) а дерево съ тугою къ земли преклонило ся», ниже: «Унышя цвѣти (съ) жялобою а дерево съ тугою къ земли переклонило (ся)». Въ первомъ текстѣ сказано: «жялостями», а во второмъ «жялобою». Полагаемъ, что первоначально «жялостями» значилось, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ текстахъ: о цвѣтахъ можно сказать, что они уныли съ «жялостями» (съ печалью), но нельзя сказать, что они уныли съ «жялобою»: они безсловесны. «Жалость» приводится во множественномъ числѣ съ цѣлью усилить значеніе этого слова: печали было много и она была тяжелая. Ниже въ другомъ текстѣ: **«А вѣстона бо... Чьриговь напастыми», «напастыми»** также во множественномъ числѣ съ цѣлью усилить значеніе этого слова. «Переклонити» (преклонити) значить согнуть-ся, переломиться, а «приклонити» — наклониться, надломиться.

«Невеселая година вѣстала» — невеселое время настало: «пустыни силу прикрыла» — пустынь (необытаемая степь) прикрыла силу (войско). **«Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожья вѣнука»** — случилась несправедливость, бѣда: войско «Дажьбожьего внука» потерпѣло поражение. Имѣется въ виду поражение, нанесенное половцами Игореву войску. Дажьбогъ былъ божествомъ солнца, онъ же почитался покровителемъ князей, поэтому авторъ Слова именуеть князя, въ частности князя Игоря, «Дажьбожьимъ внукомъ». Въ Словѣ «Дажьбожій внукъ» упомянуть дважды: въ приводимомъ текстѣ въ древне-русской формѣ съ «ж» и выше въ текстѣ: «погыбаше жизнь Дажьбожья (Дажьбожа) вѣнука» въ древне-болгарской формѣ съ «жд». Отмѣ-

тимъ, что въ былинахъ Владиміръ Святой носить прозвище «Краснаго Солнышки», слѣдовательно онъ былъ, подобно инымъ князьямъ, «Дажьдбожьимъ внукомъ». **«Въступила дѣвою на землю Трояню»** — обида въ образѣ дѣвы вступила на Троянову землю. Въ оригиналѣ сказуемое «въступила» ошибочно въ мужескомъ родѣ: «вступилъ» и приставка - предлогъ «въ» безъ твердаго знака. Въ предыдущихъ текстахъ и въ послѣдующемъ текстѣ сказуемая въ женскомъ родѣ и приставки - предлоги «въ» съ твердымъ знакомъ. **«Въсплескала лебединыма крыльма на синимъ мори у Дону»**. Въ оригиналѣ «лебедиными крыльями» ошибочно во множественномъ числѣ: «лебедиными крылы», но рѣчь идетъ о двухкрыломъ существѣ, объ обидѣ въ образѣ дѣвы, слѣдовательно эти слова должны быть въ двойственномъ числѣ: «лебединыма крыльма». Какъ было отмѣчено выше, дѣва обида вступила на Троянову землю и восплескала крыльями на синемъ морѣ у Дона, слѣдовательно Троянова земля находилась на побережьѣ Азовскаго моря. **«Плещучи упуди (въ оригиналѣ ошибочно: «убуди») жирьна веремена»**: окрыленная дѣва обида, плещучи (плещущая) угнала (а не пробудила) благоприятныя времена. **«Усобица княземъ на поганѣхъ погыбе»**. «Усобица» съ предлогомъ «съ» — раздоръ, распря, а «усобица» съ предлогомъ «на» — походъ, наступленіе. «Походъ князей на нечестивыхъ погубленъ»; Сѣверскіе князья: Игорь, Всеволодъ, Святославъ и Владиміръ потерпѣли пораженіе. Что же касается остальныхъ князей, то они вели раздоры и начали **«сами на себе коромолу ковати»**, а половцы воспользовались одержанной побѣдой и княжеской крамолой, вторглись въ Русскую землю: **«А погании съ всѣхъ сторонъ приожаху съ побѣдами на землю Русьскуюю»**. Оба текста въ немного измѣненномъ видѣ повторяются ниже: «А князи сами на себе коромолу коваху. А погании сами (съ) побѣдами, нарыщоче на Русьскую землю».

«Сине море». Въ Повѣсти объ Азовскомъ Сидѣніи Азовское Море именуется Синемъ Моремъ, слѣдовательно Синее Море въ этомъ произведеніи является топографическимъ названіемъ. «Сине море» встрѣчается въ Словѣ четыре раза: «на синимъ мори у Дону», «несоия (мя) къ синему морю», «въпѣши на березѣ синему морю» и «лелѣючю кораблѣ на сини мори». Неясно, является ли въ этихъ текстахъ «сине» эпитетомъ моря, въ частности эпитетомъ Азовскаго, или же «Сине Море» представляетъ собою топографическое названіе, наименованіе Азовскаго Моря.

«А Игорева хороброго пълку не крѣсити», ниже: «по Рѣси и по Сулѣ города подѣлиши, а Игорева хороброго пълку не крѣсити». Возможно, что въ первоначальномъ текстѣ Слова фраза: «по Рѣси и по Сулѣ города подѣлиши», также находилась въ плачѣ по Игореву войску и что она оттуда въ послѣдствіи была внесена переписчикомъ въ обращеніе къ Роману и Мстиславу.

«За нимъ клику кара и желя поскочи по Русьской земли». «Кара» — вопль, а желя — плачъ. «По немъ (по Игорѣ) раздался вопль и плачъ по Русьской землѣ». Въ оригиналѣ вмѣсто «кары и жели» сказано «карна и жля», что является искаженіемъ этихъ словъ. Плакальщица во время причитанія «каритъ» — вопить, ропщеть и «желить» — плачетъ, выражаетъ скорбь. Въ лѣтописи и въ иныхъ источникахъ о «карѣ» и о «желѣ» имѣются нижеслѣдующія данныя: «Миндовгъ поча карити по женѣ», «поѣди карити по своей сестрѣ», «наведе на ны плачъ и во веселье мѣсто желю». Въ Словѣ Христолюбца предлагается отогнать отъ себя «желаніе и караніе». Церковь запрещала «желю роду и рожанцамъ», «не имѣте жели поганскы».

Владиміръ Мономахъ просилъ Олега Святославовича отпустить вдову сына: «да сядеть, аки горлица на сусѣхъ деревѣхъ желеючи». Ниже Ярославна въ своемъ «плачѣ» — «кычеть» и «плачеть»: она карить и желить.

«**Смагу мычючѣ въ пламенѣ розѣ**» относится къ языческому похоронному обряду. «Смага» — жаръ, «въ пламенѣ розѣ» — въ воспламененномъ розѣ, «мычючѣ» — причастія настоящего времени женскаго рода множественнаго числа глагола «мыкати», что значить влачить, навлекать, взмахивать. Этотъ глаголь встрѣчается ниже въ текстѣ: «Чему мычеша хыновыкыѣ стрѣлькы?» «Горемыка» и «умыкать» того же корня. Взмахиваніе жара въ воспламененномъ розѣ на похоронахъ Тугоркана изображено на миниатюрѣ Радзивилловской лѣтописи. Въ Арх. сп. послѣ «смагу» приводится слово «людемъ», его нѣтъ въ Мус. Пушк. сп.

«**Емляху дань по бѣлѣ отъ двора**». «Бѣла» — зимняя шкурка, въ частности зимняя шкурка бѣлки, а также мелкая серебряная монета. Въ лѣтописномъ текстѣ: «имаху дань по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма», «бѣла» — зимняя шкурка бѣлки, а въ приводимомъ текстѣ Слова повидимому — серебрянникъ.

«**Лъжю убудисте, которую то баше успилъ отьць ею**». «Которую» (а не которую) — мѣстоименіе, согласованное съ «лъжю» (съ ложью со зломъ), «Которую» не имѣетъ никакого отношенія къ «которѣ» (къ усобицѣ). Самовольное выступленіе Игоря и Всеволода въ походъ на половцевъ не представляетъ собою «катору», никакой усобицы оно не создало.

«**Кають князя Игоря**». Глаголь «каяти» сохранился въ сербскомъ языкѣ, значить винить. «Покайтесь» того же корня, значить принести повинную.

«**Смутный сонъ Святослава**». Въ златоверхомъ княжескомъ теремѣ въ Кіевѣ «на горахъ» в. кн. Святославу приснилось, что онъ умеръ и что окружающіе производятъ надъ нимъ рядъ языческихъ погребальныхъ обрядовъ. Сонъ Святослава смутный (мутный), непонятный и Святославъ его излагаетъ своимъ боярамъ. «Въ сию ночь съ вечера» тѣло Святослава окутываютъ въ черную «паполому» (покрывало). «Паполома» встрѣчается выше: слава постлала Борису Вячеславичу «зеленую паполому», т. е. окутала его зеленой травой. Тѣло Святослава покоится на парадной кровати цѣннаго тисоваго дерева. Святославу черпаютъ «синее вино», настойку для умовенія покойника. Черпанье печальное: «синее вино съ трудьмъ (съ печалью) сьмѣшяно». Нечестивые наемники (погани тълковины), тѣлохранители изъ языческаго племени торковъ, сыпятъ изъ опорожненнаго отъ стрѣлъ колчана Святославу на грудь крупный жемчугъ. У кочевниковъ былъ обычай послѣ каждой побѣды князя, которому они служили, влагать въ колчанъ по бѣлому камешку, по выраженію автора Слова «великыи жьньчюгъ». По смерти князя эти камешки высыпались изъ колчана и побѣды подсчитывались. Святослава нѣжать, оказываютъ ему ласку, къ покойнику прикладываются Кровля златоверхаго терема безъ князька (кнѣса), она разобрана для того, чтобы душа покойника могла бы безпрепятственно уйти въ потусторонній міръ. «Въ сию ночь съ вечера», т. е. съ наступленіемъ вечерняго сумрака (бусовы) вороны (бусови ворони) грають, они оповѣщаютъ о случившемся несчастьѣ, о пораженіи Игоря. У Пльснеска (вѣроятно предмѣстье Кіева, впоследствии утратившее свое названіе) на «болони» (на заливномъ лугу въ предградѣхъ, служившемъ выгономъ) имѣлись погребальныя сани («бяху дьбрьскы сание»), на нихъ уносили

гѣло Святослава къ синему морю, къ Азовскому морю, близъ котораго Игорь потерпѣлъ пораженіе. «Въ сию ночь съ вечера» повторяется дважды, оба раза съ искаженіемъ: «си ночь» и «всю нощь». «Тълковины» (въ Арх. сп. «тълковины», въ Мус. Пушк. сп. «тълковины») — наемники состоящіе на службѣ по сговору (тълку). «Столковаться» значитъ сговориться, войти въ сговоръ. Въ лѣтописи подъ 907 г. въ перечнѣ племень, участвовавшихъ въ походѣ Олега Вѣщаго на грековъ, упоминаются «тиверцы, яже суть толковины», т. е. тиверцы, состоявшіе у Олега Вѣщаго на службѣ по сговору. Окончаніе на «инъ» въ единственномъ числѣ зачитъ одинъ, окончаніе на «ины» во множественномъ числѣ встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ рѣдко и является позднѣйшей формой, своего рода модернизмомъ. «Бусови (босови) ворони». «Бусови» краткая форма прилагательнаго мужескаго рода множественнаго числа, согласованнаго съ «ворони». Вороны называются «бусовыми» вслѣдствіе того, что они граютъ во время «бусовы». Воронъ во множественномъ числѣ — «ворони», а ворона во множественномъ числѣ «вороны». Рѣчь идетъ о «бусовыхъ» (сумрачныхъ) воронахъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а не о «бусыхъ» (сѣрыхъ) воронахъ съ удареніемъ на второмъ слогѣ. Ниже готскія дѣвы воспѣваютъ «(въ) веремя бусово» — во время «бусовы» (вроятно утренней). «Бѣша» церковно славянская форма имперфекта въ 3-емъ лицѣ множественнаго числа, соотвѣтствующая древне-русская форма «бяху». Текстъ: «бяху дѣбрьскы сание и не соша (мя) къ синему морю», въ оригиналѣ искаженъ: «бѣша Дебрь Кисаню, и не сошло къ синему морю». «Дебрь» — лѣсъ, а также ровъ, въ частности могильный ровъ. «Дѣбрьскы сание» — могильныя, т. е. погребальныя сани. Вроятно іотированное «е» въ словѣ «сание» было ошибочно принято переписчикомъ за похожее по начертанію «ю». «Дебрьскія сани» не имѣютъ никакого отношенія къ «дебрьскимъ (могильнымъ) змѣямъ», таковыя вообще не существуютъ. «Бѣша» не согласовано съ «Дебрь Кисаню», слѣдовательно переводъ «была дебрь Кисань» неправильный. «Дебрь Кисаню» не является топографическимъ названіемъ. «Ки» по нашему мнѣнію поврежденный слогъ прилагательнаго «дѣбрьскы». Если лѣсъ близъ Плѣсненска въ Галицко-Волынскомъ краѣ называется «Кисанью», то очевидно это наименованіе недавняго происхожденія: оно свидѣтельствуетъ о знакомствѣ лица, прозваннаго этотъ лѣсъ Кисанью, съ искаженнымъ текстомъ Слова. Также необудительно предположеніе, что «Кисань» испорченное «Киянъ». Лѣсъ подъ Кіевомъ могъ называться «дебрю Киянъ», но несогласованность этой «дебри» съ глаголомъ «бѣша» свидѣтельствуетъ о неосновательности этой догадки. Напомнимъ, что въ утраченной рукописи слова были написаны слитно и что издателямъ ея пришлось по собственному усмотрѣнію разбить текстъ на отдѣльныя слова и фразы; результатъ этой работы далеко не всегда былъ безошибочнымъ. «Несоша мя». «Мя» вносимъ въ исправленный текстъ на основаніи аналогіи съ приводимыми выше выраженіями: «одѣваху мя», «чѣрпаху ми», «сѣпаху ми» и «нѣговаху (нѣгуютъ) мя».

«Поискати города Тмутороканя» и выше «хочю бо копие приложити (о) конць поля Половецкаго». Тмуторокань находилась въ противоположномъ концѣ Половецкаго поля, она была утрачена Черниговскими князьями въ концѣ 11-го столѣтія. Оба текста указываютъ на желаніе Игоря вновь завладѣть Тмутороканью. Отмѣтимъ, что «Тмуторокань» въ лѣтописи и въ словѣ мужескаго, а не женскаго рода.

«Молодая мѣсяца Олегъ и Святъславъ» — неправильное поясненіе пе-

реписчика: оба были малолѣтними сыновьями Игоря и участія въ походѣ противъ половцевъ не принимали. «Молодыми мѣсяцами» были Олегъ Рыльскій и Владиміръ Путивльскій. «Два сокола», «два солнца» и «оба багряные столпа», — Игорь и Всеволодъ. Выше участники похода, Игорь, Всеволодъ, Святославъ и Владиміръ, именуется «четырьмя солнцами»: чѣрные тучѣ съ моря идутъ, хотя въ прикрытіи четыре сѣльныхя».

Готскія прекрасныя дѣвы относятся къ русскимъ дружелюбно: онѣ воспѣли на берегу синяго моря, звоня (а не звеня) русскимъ золотомъ. Красивая и мелодичная пѣснь называется «звонкой». Ниже племена ковуевъ, звоня (украшившись, облачась) въ прадѣловскую славу, побѣждаютъ вражескіе полки. Что касается золота, то оно символизируетъ богатство и благо. На этомъ основаніи полагаемъ, что Игорь насыпалъ въ половецкія рѣки русскаго блага (золота) и что готскія дѣвы воспѣли на берегу синяго моря, украсясь (звоня) русскимъ благомъ (золотомъ). Готскія дѣвы поютъ «(въ) веремя бусово». «Бусово» — прилагательное отъ «бусовы». «Бусова» утренній и вечерній сумракъ до восхода и послѣ захода солнца. Можно пѣть въ сумрачное время (въ веремя бусово) и о сумрачномъ времени (веремени бусову), но «пѣть сумрачное время» нельзя, это не русское выраженіе. Очевидно до словъ «веремя бусово» пропущенъ предлогъ «въ». «Бусово время» не имѣетъ никакого отношенія къ полулегендарному герою Бусу. Далѣе слѣдуетъ поясненіе, въ чемъ заключалось русское благо: готскія дѣвы «лелѣютъ мечь Шароканю». «Лелѣяти» значитъ убаюкивать, въ переносномъ значеніи восхвалять. «Лелѣять мечь Шароканю» означаетъ «восхвалять мечь, нанесенную Шароканю». В 1107 году половецкій ханъ Шароканъ (онъ же Шаруканъ, дѣдъ Кончака), потерпѣлъ пораженіе отъ русскихъ князей. Объ этомъ событіи готскія дѣвы воспѣваютъ звонко на берегу синяго моря. Бояре, возглавляющіе Святославу дружину, восклицаютъ: «А мы уже, дружина, жажущіе веселья», т. е. «мы жаждемъ возмездіе за нанесенное половцами Игорю пораженіе». Готскія прекрасныя дѣвы, что воспѣли на берегу синяго моря, повидимому принадлежали къ числу готовъ-тетраксистовъ, обитавшихъ на берегу Азовскаго моря въ районѣ Тмуторокани.

Святославъ восклицаетъ въ своемъ «золотомъ», т. е. благоразумномъ словѣ: «О моя сыновья, Игорю и Всеволоде». «Сыновець» (сыновьць) обычно — племянникъ, но также носитъ значеніе подручнаго князя, состоящаго на службѣ у великаго князя. Въ договорной грамотѣ 1433 г. в. кн. Юрій Даниловичъ заявляетъ Можайскимъ князьямъ: «имѣти вамъ меня отцемъ, а мнѣ великому князю васъ держати въ сыновствѣ и во чти безъ обиды». До 1180 г. Игорь и Всеволодъ не владѣли удѣлами и находились въ сыновствѣ у в. кн. Святослава Всеволодовича. Они приходились ему двоюродными братьями (братаничями), а не племянниками. Выше Святославъ именуется «отцомъ» Игоря и Всеволода въ значеніи верховнаго князя. Въ польскомъ языкѣ «сыновець» приемный сынъ, а также зять (мужъ дочери).

«Къ не чьстньо одолѣста, не чьстньо бо кровь поганую пролияста». Отрицаніе «не» относится къ глаголамъ «одолѣста» и «пролияста», а не къ двукратно повторяемому нарѣчію «чьстньо». Едва ли возможно «безславно» одолѣть противника и «безславно» пролить нечестивую кровь. Игорь и Всеволодъ половцевъ не одолѣли. Переводъ приводимаго текста слѣдующій:

«но вы съ честию не одолѣли, вы вѣдь съ честию не пролили нечестивую кровь».

«(У) ваю хоробрин сьрдыци въ жестоцѣмъ харалузѣ съкованѣ». «Харалугъ» тюркское слово: «каралукъ» на джачатайскомъ нарѣчїи значитъ черная сталь, т. е. булатъ. Въ Словѣ упоминаются «харалужные» мечи, копыя и щпы.

«А уже вижао волости сильного и богатого» и ниже «не побѣдными жеребии собѣ волости росхытитесте». Въ дошедшихъ до насъ текстѣ «волостѣ» приводится въ обѣихъ фразахъ въ церковно славянской формѣ безъ полногласїя въ родительномъ падежѣ единственнаго числа.

«Мъного вои брата моего Ярослава». «Мъного» — нарѣчїе, а «вои» — воинъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа. Что касается предполагаемаго слова «многовая», то такого нѣтъ ни въ одномъ славянскомъ языкѣ: оно является вымышленнымъ словомъ.

«Черниговскїе были» (боиля) — знать тюркскаго народа ковуевъ, поселившася въ черниговскомъ княжествѣ и состоявшаго на службѣ у кн. Ярослава Всеволодовича. «Могути» (мають), татраны (татрань), шельбиры (шилльбюгюръ), топчяки (топчакъ), ревуги (эрбуя) и ольберы (олобюръ) были племенами ковуевъ. Могути не имѣютъ никакого отношенїя къ прилагательному «могучїи». Въ лѣтописи сохранилась память о разбойникѣ Могути, а также объ Олбирѣ Шерошевичѣ, видимому они принадлежали къ вышеупоминаемымъ племенамъ могути и ольберовъ. Отголоскомъ воспоминанїй о послѣднихъ является сказочное «Альберское царство» въ былинахъ.

«Мужяѣмъ ся», (въ неисправленномъ текстѣ: «му жа имѣся»). Это выраженїе въ повелительномъ наклоненїи, поэтому заканчивается на «ѣмъ» съ буквой «ѣ». Выше «почнѣмъ» и «всьядѣмъ», оба глагола также въ повелительномъ наклоненїи, поэтому должны въ отличїе отъ соответствующей формы изъявительнаго наклоненїя заканчиваться на «ѣмъ» съ буквой «ѣ», а не на «емъ» съ буквой «е». «Мужяѣмъ ся» относится не только къ Игорю и Всеволоду, но также и къ Святославу и Владиміру, поэтому приводится во множественномъ, а не въ двойственномъ числѣ.

«Переднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ». «Передняя слава» та, что впереди, т. е. предстоящая слава, а «задняя слава» та, что слѣдуетъ позади «передней славы», т. е. послѣдующая, или грядущая слава.

«Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ» — когда соколъ перелиняетъ. «Мытѣ» — линька. Въ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ сказано: «Егда бо соколъ трехъ мытей бываетъ, онъ не даетъ ся съ гнѣзда своего взяти».

«Къняже ми непособие». «Къняже» краткая форма прилагательнаго средняго рода, согласовано съ «непособие».

«Наниче ся години оборотиша». «Наниче» — на изнанку, на выворотъ. «Наничѣ одежду одѣвати» — надѣвать одежду на изнанку, на выворотъ. Времена оборотились на изнанку: они вновь стали неблагоприятными.

Обращенїе Святослава къ князьямъ. Послѣ пораженїя половцами Игоря «ворота», т. е. доступъ въ «землю Русьскую» вновь оказался открытымъ. Согласно лѣтописи: «князь Святославъ посла по своѣ сыны и всѣ князи», т. е. онъ обратился къ князьямъ за помощью, слѣдовательно авторъ Слова обращается къ князьямъ не отъ себя, а обращается къ нимъ устами в. кн.

Святослава. Обращеніе къ князьямъ служить продолженіемъ «золотого» слова» Святослава.

Обращеніе къ в. кн. Всеволоду Юрьевичу Владимірскому и Суздальскому. Святославъ задаетъ вопросъ: «не мыслимо (не мыслию) ли тебѣ (Всеволоду) перелетѣть издалека, охранить отцовскій золотой престолъ?» Въ этомъ текстѣ сказано, «перелетѣти» (прелетѣти), а не «прилетѣти». Иными словами Святославъ предлагаетъ Всеволоду переселиться на югъ Руси окончательно, а не временно, съ цѣлю поблости, т. е. защитити отъ половцевъ Кіевское и Переяславское княжества, принадлежавшія его отцу в. кн. Юрію Владиміровичу. Святославъ напоминаетъ Всеволоду, что онъ можетъ предпринять военныя дѣйствія и со стороны Волги и Дона и со стороны суши: «ты можешъ Волгу расплескать веслами и Донъ вычерпать шлемами и ты можешъ съ суши (со стороны Рязани) стрѣлять «живыми шереширами», удальми сыновьями кн. Глѣба Ростиславовича Рязанскаго». По мнѣнію Святослава, если бы могущественный Всеволодъ находился здѣсь, т. е. на югѣ Руси, то онъ плѣнилъ бы множество половцевъ и тогда «чяга» (невольница) и «скощии» (невольникъ) продавались бы по дешевкѣ. Сыновей Глѣба Рязанскаго, внучатыхъ племянниковъ Всеволода: Романа, Игоря, Владиміра, Всеволода, Святослава и Ярослава, в. кн. Святославъ уподобляетъ «живымъ шереширамъ», т. е. зажигательнымъ снарядамъ. «Шереширы» именуется «живыми» по причинѣ того, что они были начинены «живымъ огнемъ». «Шереширы» метались при помощи «самострѣла» и они при паденіи расплескивали горящую нефть. Въ 1174 г. Всеволодъ III Юрьевичъ былъ въ теченіе 5 недѣль великимъ княземъ Кіевскимъ, но во время княжеской усобицѣ былъ взятъ въ плѣнъ Рюрикомъ Ростиславовичемъ и былъ вынужденъ отказаться отъ княженія въ Кіевѣ.

Обращеніе къ кн. Рюрику Ростиславовичу Овручскому и къ кн. Давиду Ростиславовичу Смоленскому. Святославъ обращается къ «буйному», т. е. воинственному, Рюрику и къ брату его Давиду съ вопросомъ: «не ва ли золоченыма шеломыма по крови плаваста?», т. е. «не вы ли золочеными шлемами по крови плавали?» Этотъ текстъ не дошелъ до насъ въ исправномъ видѣ: мѣстоименіе «ва» (вы двое) приводится въ родительномъ падежѣ — «ваю», «золотыми шлемами» и глаголь «плавали» не въ двойственномъ, а во множественномъ числѣ. Комментаторы полагаютъ, что послѣ «ваю ли» пропущено слово «вои» и переводятъ эти слова слѣдующимъ образомъ: «не ваши ли воины». Переводъ этотъ неправильный: «ваю» личное, а не притяжательное мѣстоименіе, значитъ «васъ», а не «ваши». Золотые, точнѣе золоченые шлемы, имѣлись только у князей, у воиновъ ихъ не было, поэтому воины не могли «золочеными шлемами по крови плавать». Далѣе Святославъ спрашиваетъ: «не (у) ваю ли хоробрая дружина рыкаетъ, акы тури, ранени саблями калеными на поли назнаемъ?» Въ неисправленномъ текстѣ предлогъ «у» передъ мѣстоименіемъ «ваю» отсутствуетъ, глаголь «рыкаетъ» приводится ошибочно во множественномъ числѣ: «рыкаютъ», что является несогласованностью. Рычитъ дружина, а не рычатъ туры. Очевидно переписчикъ принялъ въ глаголь «рыкаетъ» ютированное «е» за похожее по начертанію «ю», что и послужило причиной несогласованности. Святославъ предлагаетъ Рюрику и Давиду вступить въ золотыя стремени (**золота стремени**), разумѣется по одному на каждаго, т. е. вступить въ два «стремени», а не въ одинъ «стремень», какъ это значитъ въ неисправленномъ текстѣ. Что касается прилагательнаго «золота» (злата), то оно въ

неисправленномъ текстѣ сохранилось въ формѣ двойственного числа. Восклищаніе «за землю Русьскую, за раны Игоревы, буего Святъславичя», повторяется ниже въ обращеніи къ кн. Ярославу Галицкому и въ обращеніи къ Волынскимъ князьямъ Ингварю. Всеволоду и тремъ Мстиславичамъ.

Обращеніе къ кн. Ярославу Владиміровичу Галицкому. Святославъ прозываетъ Ярослава Галицкаго «Осмомыслемъ». Основаніемъ для этого прозвища послужили восемь мыслей - заданій, которыя Ярославъ приводилъ въ исполненіе во время своего княженія въ Галичѣ. Ярославъ 1) создалъ въ своемъ княжествѣ твердую власть: онъ «высоко» сидитъ на своемъ златокованномъ престолѣ; 2) принялъ мѣры для обороны своихъ владѣній, заслонивши сильнымъ войскомъ Карпатскія горы и тѣмъ самымъ предотвративши возможность венгерскому королю вторгнуться въ Галицкое княжество; 3) препятствовалъ половцамъ переправиться черезъ Дунай, затворивши ворота Дуная; 4) снабдилъ свое войско орудіями для метанія балластовъ (бремень); 5) рядилъ суды до Дуная: управлять обширнымъ княжествомъ, тянувшимся до Дуная; 6) наводилъ страхъ на сосѣдей: его грозы (грозныя предостереженія) текли по землямъ; 7) установилъ торговья сношенія съ Киевомъ, открывши для этой цѣли ворота Киева; и 8) оказывалъ Византіи помощь въ ея борьбѣ съ турками сельджуками: не покидая своего княжества, онъ стрѣлялъ за предѣлами своихъ владѣній «султановъ». «Затворивъ Дунаю ворота» и «отътворяеми Киеву ворота»: въ этихъ вводныхъ предложеніяхъ «Дунаю» и «Киеву» въ дательномъ падежѣ принадлежности, что соотвѣтствуетъ родительному падежу. «Мечя беремены черезъ оболокъ»: «беремены» въ творительномъ падежѣ множественнаго числа; «облако» въ древне-русскомъ языкѣ «оболокъ», мужескаго рода, поэтому облака въ винительномъ падежѣ множественнаго числа «оболокы», а не «оболока». Ярославъ Галицкій не имѣлъ никакого отношенія къ 3-му крестовому походу. Причиной крестоваго похода послужилъ захватъ Саладиномъ Іерусалима. Ярославъ Галицкій умеръ наканунѣ этого событія. Имп. Андроникъ I Старый былъ двоюроднымъ братомъ Ярослава: его матерью была княж. Ирина Володарьевна (Всеволодовна), вышедшая замужъ въ 1104 г. за Исаака Комнена. Она была теткою Ярослава Галицкаго, сестрою его отца Владиміра Володаревича (Всеволодовича), Перемышльскаго. Въ 1185 г. имп. Андроникъ I былъ убитъ своими подданными. Вѣроятно по этой причинѣ союзъ съ Византіей распался и Ярославъ пересталъ «закрывать ворота Дуная». Половцы, переправившись черезъ Дунай, вторглись въ предѣлы Византійской имперіи. Болгары при помощи половцевъ подняли возстаніе и освободились отъ византійскаго владычества. Текстъ, приводимый ниже: «Копия поють на Дунаи», быть можетъ, является отголоскомъ этихъ событій.

Обращеніе къ кн. Роману Мстиславовичу Владимірь Волынскому и къ кн. Мстиславу Ярославовичу Луцкому. Это обращеніе не дошло до насъ въ первоначальномъ видѣ: въ первой и въ третьей фразѣ неисправленного текста Святославъ обращается къ двумъ Волынскимъ князьямъ, къ «буйному», т. е. къ воинственному Роману и къ Мстиславу, а въ остальныхъ къ одному князю, имя котораго не указывается. Повидимому переписчикъ смѣшалъ Романа и Мстислава съ княземъ, имя и отчество котораго напоминало ему имена этихъ князей. Полагаемъ, что этимъ неупомянутымъ княземъ былъ Мстиславъ Романовичъ Псковскій, впоследствии кн. Смоленскій и в. кн. Кіевскій. Онъ приходился Игорю племянникомъ, былъ сыномъ его сводной

сестры отъ брака ея съ в. кн. Романомъ Ростиславовичемъ Кіевскимъ и Смоленскимъ. Въ 1184 г. Мстиславъ Романовичъ принялъ участіе въ походѣ в. кн. Святослава III Всеволодовича противъ половцевъ. 16 іюня 1223 г. в. кн. Мстиславъ III Романовичъ сдался на Калкъ татарамъ въ плѣнъ и былъ ими вѣроломно убитъ. Повидимому въ оригиналѣ Слова было два обращенія, но впослѣдствіи переписчикъ ихъ соединилъ и превратилъ въ одно общее обращеніе. Въ фразахъ, относящихся къ Роману и къ Мстиславу, отсутствуетъ конецъ, а въ фразахъ, относящихся къ Мстиславу Романовичу, начало. Слова: «по Ръси и по Сулѣ города подѣлиша, а Игорева хороброго пълку не крѣсити» не имѣютъ отношенія къ Роману и Мстиславу, ни къ Мстиславу Романовичу. Возможно, что они находились первоначально въ плачѣ о гибели Игорева войска и затѣмъ были внесены переписчикомъ въ обращеніе къ Роману и Мстиславу. Дѣло въ томъ, что конецъ этого текста: «а Игорева хороброго пълку не крѣсити» находится въ вышеупомянутомъ плачѣ послѣ словъ: «О далече заиде соколъ, пѣтицѣ бия, къ морю». Слова «по Ръси и по Сулѣ города подѣлиша» относятся къ Рюрику и Давиду Ростиславовичамъ, расположившимся на укрѣпленіяхъ на Роси, на вышеупомянутомъ Трояновомъ валѣ, и къ Владиміру Глѣбовичу Переяславскому, сначала занимавшему укрѣпленія на Сулѣ и затѣмъ осажденному половцами въ Переяславлѣ. **«Хоробрая мысль носить (у) ваю умъ на дѣло».** Въ неисправленномъ текстѣ модернизмъ: вмѣсто «ваю» сказано «васъ», что является переводомъ «ваю». Предлогъ «у» передъ этимъ личнымъ мѣстоименіемъ въ оригиналѣ отсутствуетъ. **«Суть бо у ваю желѣзныѣ поперси подѣ шеломы латыльскими».** Въ этомъ текстѣ «ваю» съ предлогомъ «у», какъ въ исправленномъ, такъ и въ неисправленномъ текстахъ. **«Желѣзныѣ поперси»** — желѣзные, точнѣе стальные напрудники, или латы. «Поперси» (поперси) встрѣчаются и въ другихъ древнихъ источникахъ въ значеніи нагрудниковъ и по нынѣ сохранились въ Сибири, какъ провинциализмъ. Отмѣтимъ также, что нагрудникъ по сербски «попрсіе». Въ дошедшемъ до насъ текстѣ «папорзи» внѣ всякаго сомнѣнія является искаженіемъ «поперсей»: «папорзи» въ иныхъ источникахъ не встрѣчаются. «Латыньскыи шеломи» были цилиндрическими, они изготовлялись въ Священной Римской Имперіи и по этой причинѣ назывались латинскими шлемами. Упоминаемые выше «оварьскыи шеломи» были конусообразными, они получили свое наименованіе отъ кавказскаго народа оваровъ, или аваровъ. Романъ и Мстиславъ привели въ содроганіе и усмирили хыновинъ, литовцевъ, ятвяговъ, деремелу и половцевъ. «Хынове» въ единственномъ числѣ «хынъ» и «хыновинъ». Это было древне-славянскимъ названіемъ гунновъ, что явствуетъ изъ древне-чешскихъ топографическихъ названій. Впослѣдствіи это наименованіе перешло на другихъ кочевниковъ, на венгровъ и половцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ, гдѣ раньше находились гунны. Сосѣди нерѣдко и въ настоящее время прозываютъ венгровъ гуннами. Въ приводимомъ перечнѣ народовъ «хынове» — венгры, а выше въ текстѣ: «великое буиство подасте хынови», «хынови» — половчанинъ, при чемъ «хынови» въ дательномъ падежѣ единственнаго числа. «Хыновъскыѣ стрѣлькы», о которыхъ говорится въ плачѣ Ярославны, короткія и легкія двухгранныя стрѣлы кочевниковъ, тогда какъ «каленыѣ стрѣлы» были длинными, тяжелыми, трехгранными стрѣлами русскихъ. «Деремела» ятвяжское племя. **«А головы своѣ подѣклониша подѣ ты мечѣ харалужныѣ».** Въ неисправленномъ текстѣ: «поклониша», а въ параллельномъ текстѣ Законщины: «а главы своя подклониша подѣ мечи» —

— «подклониша», что правильнѣе. «Игорю утрьпѣ сълнцю свѣтъ». «Игорю «Донь тебѣ (а не тебя), князь, кличеть». «Сълнцю» въ дательномъ, падежѣ принадлежности, что соотвѣтствуетъ родительному падежу. Глаголь «утрьпѣти», по сербски «утрапити», значитъ помрачать, подавлять, притуплять, потускнѣть. Этотъ глаголь встрѣчается въ текстѣ, приводимомъ Ф. Миклошичемъ: «Соль ни утрьпѣеть». «Донь ти, княже, кличеть» — «Донь тебѣ (а не тебя), князь кличеть». Мѣстоименіе «ти» въ дательномъ, а не въ винительномъ падежѣ. «Боронь» приводится въ неисправленномъ текстѣ въ церковно-славянской формѣ безъ полногласія, а выше въ словахъ: «стоиши на борони» въ древне русской формѣ съ полногласіемъ.

Обращеніе къ кн. Ингварю и кн. Всеволоду Ярославовичамъ Луцкимъ и къ тремъ Мстиславовичамъ. Ингварь и Всеволодъ были сыновьями в. кн. Ярослава II Изяславовича, братьями вышеупомянутаго Мстислава Ярославовича. Три Мстиславича были ихъ двоюродными братьями, сыновьями в. кн. Мстислава II Изяславовича: вышеупомянутымъ Романомъ Владиміръ-Волинскимъ, Всеволодомъ Бельзскимъ и Святославомъ Берестьевскимъ. В. кн. Святославъ обращается къ Мстиславу Ярославовичу одинъ разъ, а Роману Мстиславовичу дважды: разъ въ обращеніи къ Роману и Мстиславу и вторично, не называя его имени, въ обращеніи къ Ингварю и Всеволоду и ко всѣмъ тремъ Мстиславовичамъ, что по нашему мнѣнію вполне возможно, но встрѣчаетъ возраженія со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей. По ихъ мнѣнію три Мстислава не были сыновьями в. кн. Мстислава II Изяславовича и называются Мстиславовичами по прадѣду в. кн. Мстиславу I Владиміровичу. Изслѣдователи предполагаютъ, что Мстиславовичи были сыновьями в. кн. Ярослава II Изяславовича: Ингваремъ, Всеволодомъ и ихъ братомъ Изяславомъ, не упомянутымъ въ обращеніи къ нимъ, и что въ словахъ: «и вси три Мстиславичи» союзъ «и» интерполяція переписчика. По мнѣнію другихъ изслѣдователей «вси три Мстиславичи» были сыновьями Мстислава Ростиславовича Храбраго (кн. Новгородскаго: кн. Мстиславомъ Удатнымъ, Владиміромъ и Давидомъ), что однако неправдоподобно: сыновья Мстислава Храбраго были въ 1185 г. малолѣтними, поэтому Святославъ не могъ къ нимъ обращаться, кромѣ того они принадлежали къ семьѣ Смоленскихъ, а не Волинскихъ князей. Святославъ называетъ Ингваря, Всеволода и трехъ Мстиславичей «шестокрыльцами», уподобляя ихъ шестокрылымъ серафимамъ, что согласно пророчеству Исаи устраняютъ беззаконіе. «Шестокрыльцы» соотвѣтствуютъ «ангеламъ хранителямъ» и, подобно имъ, являются защитниками отъ зла. Далѣе Святославъ стмѣчаетъ, что Ярославичи и Мстиславичи не раздобыли себѣ власти жребіями побѣдъ, т. е. что они являются законными владѣтельными князьями, а не захватчиками. Въ словахъ: «не побѣдными жеребии собѣ волости росхытисте», «не» относится къ глаголу «росхытисте», а не къ прилагательному «побѣдными». При отрицаніи винительный падежъ переходитъ въ родительный, по этой причинѣ «волости» (власти) въ родительномъ падежѣ единственнаго числа. У Романа и Мстислава «шеломи латынскыи», а у ихъ братьевъ «сулище лядскыѣ», т. е. польскія метательныя копья, слѣдовательно Волинскіе князья были вооружены по западному образцу. Оружіе и доспѣхи они пріобрѣтали у нѣмцевъ и поляковъ.

Смерть кн. Изяслава Васильковича Витебскаго. Отъ переправы конницы рѣки и озера помутились: «Рѣкы мутьно текутъ», Святославъ «възмути рѣкы и озера», «Сула не течетъ серебряными (прозрачными) струями», «Двина

болотѣмъ течеть» (течетъ помутившись). О переправѣ половцевъ черезъ Сулу и литовцевъ черезъ Двину говорится въ одномъ и томъ же текстѣ, это приводитъ насъ къ заключенію, что оба событія произошли одновременно, въ одинъ и тотъ же годъ, въ 1185 г. Сула не течетъ серебряными струями «къ городу Переяславлю» и Двина болотомъ течетъ «онимъ грознымъ полочяномъ». По древне-русски «не течетъ къ городу Переяславлю» съ предлогомъ «къ» значитъ «не течетъ по направленію къ городу Переяславлю безъ захода въ него», а «течетъ онимъ грознымъ полочяномъ» безъ предлога «къ» значитъ «течетъ къ тѣмъ грознымъ полочанамъ съ заходомъ къ нимъ». Переяславль находится на Трубежѣ, а не на Сулѣ. Сула огибаетъ Переяславль дугой, она ограждала его со стороны Половецкаго поля. Слова «течетъ онимъ грознымъ полочяномъ» указываетъ на то, что переправа литовцевъ черезъ Двину состоялась выше Полоцка, повидимому въ районѣ Витебскз. Если бы переправа состоялась ниже Полоцка, то Двина текла бы не къ тѣмъ грознымъ полочанамъ, а отъ тѣхъ грозныхъ полочанъ. Одинъ лишь Изяславъ оказалъ литовцамъ сопротивленіе, онъ «притрепаль», т. е. прибилъ славу своему прадѣду Всеславу, но оказался подъ червленными щипами на кровавой травѣ «притрепаннымъ», т. е. прибитымъ литовскими мечами. Далѣе слѣдуетъ испорченный текстъ, который въ восстановленномъ видѣ гласитъ: Исхо- (дивъш) - ю на крѣва - (въ травѣ) тѣи рекль». Полагаемъ, что «и схоти» искаженное «исходи». Изъ предыдущаго текста явствуетъ, что рѣчь идетъ не о «кровати», а о «крѣвавѣ травѣ», что даетъ возможность внести исправленіе въ поврежденный текстъ. Переводъ этого текста слѣдующій: «отходившему на кровавой травѣ тотъ сказалъ». «Тотъ», подобно вышеупомянутому «того вьнуку», авторъ Слова, а не Боянь или умирающій Изяславъ. Боянь былъ современникомъ Всеслава Брячиславовича, а не его правнука Изяслава Васильковича, поэтому Боянь не могъ произнести этихъ словъ. Что касается Изяслава, то онъ не могъ говорить о себѣ во второмъ лицѣ. Изяславъ умеръ въ одиночествѣ, его братья Брячиславъ и Всеволодъ (Володша) не участвовали въ сраженіи съ литовцами. Голоса приуныли, веселье понижло, «городньскыѣ», т. е. оградныя трубы трубятъ. Предположеніе, что «городньскыѣ трубы» трубятъ въ Городно на Нѣманъ или въ городѣ Городени въ Полѣсьи и что онѣ поэтому называются «городньскыими», ошибочно: ни тотъ, ни другой городъ не входилъ въ составъ Полоцкаго княжества и принадлежали потомкамъ Ярослава Мудраго, а не потомкамъ его брата Изяслава Владиміровича. «Городень» въ значеніи ограды, забора или тына по сей день бытуетъ въ народномъ языкѣ. «Городньскыѣ трубы» — оградныя трубы, онѣ повидимому трубили на стѣнахъ Витебска, въ районѣ котораго разыгралось сраженіе съ литовцами. Всеславъ, Брячиславъ, Изяславъ и Всеволодъ Васильковичи были шурыми в. кн. Святослава III Всеволодовича, женатаго на ихъ сестрѣ Маріи Васильковнѣ. Отцомъ ихъ былъ Василько Святославовичъ Полоцкій, а не его двоюродный братъ Василько Роговолодовичъ. Изяславъ Васильковичъ въ лѣтописи не упоминаетъ, по нашему мнѣнію онъ былъ кн. Витебскимъ. До него въ Витебскѣ, а также въ Изяславлѣ, княжилъ Брячиславъ Васильковичъ. Братъ ихъ Всеславъ Васильковичъ въ Словѣ не упоминаетъ, послѣднее указаніе о немъ относится къ 1181 г., онъ очевидно умеръ до 1185 г. Полагаемъ, что послѣ него въ Полоцкѣ вокняжился Брячиславъ, а въ Витебскѣ слѣдующій по старшинству братъ Изяславъ. Объ ихъ отцѣ имѣются нижеслѣдующія данныя. Въ 1129 г. в. кн. Мстиславъ I Владиміровичъ завладѣлъ Полоцкомъ, плѣнныхъ Полоц-

кихъ князей онъ отправилъ въ ссылку въ Царьгородъ на Двинъ (повидимому въ Герцике). Въ 1132 г. полочане согнали съ престола Святополка Мстиславовича и посадили на княженіе въ Полоцкѣ Василька Святославовича. Въ 1138 г. Василько Святославовичъ выѣхалъ навстрѣчу кн. Всеволоду Мстиславовичу, слѣдовавшему мимо Полоцка, провожалъ его съ честью и, забывъ злобу его отца, цѣловалъ крестъ «яко не поминати, что ся дѣяло прежде сего». Въ 1143 г. кн. Святославъ Всеволодовичъ женился на дочери Василька Полоцкаго, отчество ея отца въ лѣтописи не указано, но извѣстно, что Василько Святославовичъ былъ правящимъ княземъ въ Полоцкѣ, тогда какъ Василько Рогволодовичъ таковымъ не былъ.

Порицаніе Ярославу Черниговскому и Васильковичамъ. Въ 1181 году Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій и Полоцкіе князья Всеславъ, Брячиславъ и Всеволодъ (Володша) Васильковичи при участіи половцевъ произвели нападеніе на Глѣба Рогволодовича. Васильковичи были «внуками», т. е. потомками Всеслава Брячиславовича Полоцкаго, онъ имъ приходился прадѣдомъ. Авторъ Слова съ негодованіемъ обращается къ Ярославу Черниговскому и ко всѣмъ тѣмъ Всеславовымъ внукамъ, что впервые начали наводить нечестивыхъ половцевъ на Русскую землю, на Всеславово достояніе, т. е. на Полоцкое княжество, однимъ изъ удѣловъ котораго былъ Друцкъ. Глѣбъ Рогволодовичъ Друцкій также былъ «Всеславовымъ внукомъ», но онъ половцевъ въ Полоцкое княжество не приводилъ, слѣдовательно укоръ къ нему не относится. Авторъ Слова заявляетъ Ярославу Черниговскому и Васильковичамъ, что имъ слѣдовало бы вонзить въ ножны ихъ поврежденные позоромъ мечи и что они недостойны дѣдовской славы, т. е. славы ихъ предковъ. Напомнимъ, что Ярославъ Черниговскій не былъ потомкомъ Всеслава Полоцкаго, поэтому слова «выскачисте изъ дѣднѣѣ славы» нельзя относить только къ славі предка Васильковичей, Всеслава Полоцкаго. Авторъ Слова поясняетъ, что насиліе, учиненное половцами, является слѣдствіемъ «которыхъ», т. е. княжеской усобицы.

Эпизодъ о Всеславѣ. Въ дошедшемъ до насъ текстѣ фразы эпизода о Всеславѣ перестановлены и послѣдовательность событій нарушена. Изъ лѣтописи извѣстно, что Всеславъ Брячиславовичъ Полоцкій завладѣлъ Новгородомъ въ концѣ 1066 г. Пораженіе Всеслава Ярославовича на Нѣмигѣ произошло 3 марта 1067 г. Весною того же года Всеславъ былъ вѣроломно взятъ Ярославичами въ плѣнъ. 15 сентября 1067 г. кіевляне освободили Всеслава изъ темницы и онъ вокняжился въ Кіевѣ. Въ мартѣ 1068 г. Всеславъ послѣ семимѣсячнаго княженія въ Кіевѣ бѣжалъ изъ подъ Бѣлгорода, бросивши кіевлянъ на произволъ судьбы. Въ 1078 г. Всеславъ повидимому имѣлъ намѣреніе вновь завладѣть Кіевомъ, но ему не посчастливилось: согласно Поученію Владиміра Мономаха Всеславу не удалось продвинуться дальше Смоленска. 3-го октября 1078 года его союзники Тмутороканскіе князья Романъ и Олегъ Святославовичи и Борисъ Вячеславовичъ потерпѣли пораженіе на Нѣжатиной Нивѣ близъ Чернигова и Всеславу пришлось обратиться въ бѣгство. Съ цѣлью восстановленія первоначальнаго расположенія фразъ разбиваемъ эпизодъ о Всеславѣ на 8 пунктовъ и затѣмъ переставляемъ ихъ въ соотвѣтствіи съ вышеприведенными данными лѣтописи.

1) На седмомъ вѣѣ Трояни вѣрже Всеславъ жеребини о дѣвицю собѣ любу. 2) Тѣи клюками подѣпъръ ся, окончи, скочи къ городу Киеву и дотѣче ся сружнемъ золота стола киевскаго. 3) Скочи отъ нихъ лютымъ звѣрьмъ

въ полу ночи изъ Бѣла Города, обѣси ся въ синѣ мыгль. 4) Утрѣ же вънзи стрижусы, отътвори ворота Нову Городу, росшибе славу Ярославу. Скори вѣлкѣмъ до Нѣмигы съ Дудутокѣ. На Нѣмизѣ снопы стелють головами, молотятъ цѣпы харалужыными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла. (На) Нѣмизѣ крѣвави берези не бологѣмъ бяху посяни, посяни костьми русьскихъ сыновъ. 5) Всеславъ кнѣзь людемъ судяше, кнѣземъ города рѣдяше. 6) А самъ въ ночь вѣлкѣмъ рыскаше изъ Кіева, дорыскаше до куръ Тьмутороканя, великому Хърсови вѣлкѣмъ путь перерыскаше. 7) Тому, въ Полотскѣ позвониша заутрѣнюю рано у Святѣ Софиѣ въ колоколы, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша. 8) Аже и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше, тому вѣщи Боянѣ и първое припѣвкѣ, съмыслныи рече: «Ни хытру, ни горазду, ни пѣтии гораздѣ суда Божия не минути». Очевидно эти восемь пунктовъ были расположены въ первоначальномъ текстѣ Слова въ слѣдующемъ порядкѣ: первый, четвертый, второй, седьмой, пятый, третій, шестой и восьмой.

«На седмомъ вѣцѣ Трояни». Какъ было указано выше, «седьмой Трояновъ вѣкъ» — седьмое, т. е. текущее тысячелѣтіе отъ сотворенія міра, находящееся въ обладаніи злого божества Трояна. **«О дѣвицю собѣ жобу».** «Дѣвицю» и «жобу» въ винительномъ падежѣ, а не въ предложномъ. Это выраженіе относится къ Новгороду, а не къ Кіеву. **«Утрѣ же вънзи стрижусы».** «Утрѣ», въ оригиналѣ «утрѣ», значитъ во внутрь. «Утрѣ» — искаженіе комментаторовъ, значитъ вчера, а вовсе не утромъ. «Стрижуси» въ переводѣ остроубцы, орудіе для взлома воротъ. «Стри» вѣроятно сокращенная форма прилагательнаго острый, а «кусь» — зубъ. Въ польскомъ языкѣ «кусь» (консь) значитъ зубъ. Кусокъ, укусь, вкусъ того же корня. **«Отътвори ворота Нову Городу, росшибе славу Ярославу».** «Нову Городу» къ «Ярославу» въ дательномъ падежѣ принадлежности, соотвѣтствующемъ родительному падежу. **(«На») Нѣмизѣ крѣвави берези бяху посяни».** «Нѣмизѣ» форма предложнаго, а не родительнаго падежа. Нѣмига въ родительномъ падежѣ «Нѣмигы». Въ неисправленномъ текстѣ предлогъ «на» отсутствуетъ, онъ вносится въ текстъ на основаніи предыдущей фразы: **«На Нѣмизѣ снопы стелють головами».** Въ неисправленномъ текстѣ «брезѣ» въ церковно-славянскій формѣ, ошибочно въ предложномъ падежѣ единственнаго числа. Въ исправленномъ текстѣ «крѣвави берези» во множественномъ числѣ, согласованы съ «бяху посяни костьми», но рѣчь идетъ не о нѣсколькихъ а о двухъ берегахъ, о правомъ и лѣвомъ берегѣ Нѣмиги, слѣдовательно берега рѣки, подобно берегамъ моря или озера, могутъ быть и въ формѣ множественнаго числа. **«Клюками подѣпъръ ся».** «Клюка» — символъ хитрости. **«Окони»** въ аористѣ третьяго лица единственнаго числа. «Оконити» значитъ узаконить, постановить, принять важное или окончательное рѣшеніе, того же корня, что конецъ и законъ. Этотъ глаголъ не имѣетъ никакого отношенія къ коню: лошадь въ Словѣ повсюду именуется «комонемъ», а не конемъ. Авторъ Слова полагаетъ, что Всеславъ «скакнулъ къ городу Кіеву», схитривши и заранѣе принявши рѣшеніе о захватѣ кіевского золотого престола. Въ дѣйствительности же Всеславъ отправился на совѣщаніе съ Ярославичами безхитростно, безъ намѣренія завладѣть великокняжескимъ престоломъ. Онъ не скакнулъ къ городу Кіеву, а былъ отвезенъ туда Ярославичами въ качествѣ плѣнника и вокняжился въ Кіевѣ случайно и неожиданно. По древне русски **«скори къ городу Кіеву»** съ предлогомъ «къ» значитъ: скакнулъ къ городу Кіеву безъ захода въ него, т. е. коснувъ

шись золотого престола. Это же выражение безъ предлога «къ» означало бы: скакнулъ къ городу Кіеву съ заходомъ въ него, т. е. завладѣвши золотымъ престоломъ. **«Тому»**, подобно «чему» въ плачѣ Ярославны нарѣчіе, а не мѣстоименіе, значитъ потому, поэтому. **«Скочи отъ нихъ»** относится къ **«людемъ»** и къ **«княземъ»**. Люди — кіевляне, а князья — сыновья Всеслава. Онъ управлялъ кіевлянами, а своихъ сыновей удѣлилъ княжествами. Всеславъ обортень: онъ «скочи вълкъмъ» — скакнулъ въ образѣ волка изъ Дудутокъ до Нѣмиги, скакнулъ къ городу Кіеву, ютскакнулъ отъ людей и отъ князей, скакнулъ «лютымъ звѣрымъ» въ образѣ лютаго звѣря изъ Бѣлгорода, рыскалъ «вълкъмъ», въ образѣ волка изъ Кіева, дорыскалъ Тмуторокани и перерыскалъ въ образѣ волка солнечный путь. Авторъ Слова по этому поводу отмѣчаетъ, что хотя у Всеслава и была вѣщая душа въ другомъ, т. е. въ волчьемъ тѣлѣ, но онъ часто терпѣлъ неудачи. Выше авторъ Слова, говоря о Всеславѣ пользуется указательнымъ мѣстоименіемъ **«тотъ»**, тѣмъ самымъ онъ отмѣчаетъ, что Всеславъ не въ своемъ обычномъ, въ другомъ тѣлѣ. Что касается предположенія, что рѣчь идетъ не о **«друзѣ тѣлѣ»** (о другомъ тѣлѣ), а о **«дрзѣ тѣлѣ»** (о дерзкомъ или отважномъ тѣлѣ), то оно является неосновательной догадкой. Выраженія **«въ ночь»** и **«до куръ»** свидѣтельствуетъ, что рѣчь идетъ о сновидѣніи, имѣется въ виду неудавшійся планъ Всеслава вновь завладѣть при помощи Тмутороканскихъ князей Кіевомъ. Боянъ называется **«съмыслнымъ»**: когда онъ вдохновлялся, то его мысль расточалась по дереву, онъ же скачетъ соловьемъ по «мыслену», т. е. по воображаемому дереву. «Пѣтиця» женскаго, а не мужскаго рода, слѣдовательно: **«пѣтици гораздѣ»**, а не «птицю горазду». Эти слова повидимому внесены въ текстъ переписчикомъ. Поговорка: «Ни хытру, ни горазду... суда Божия не минути» безъ повторенія словъ о «гораздой птицѣ» воспроизводятся въ Моленіи Данила Заточника и въ Пословицахъ Русскаго Народа Даля.

Плачъ Ярославны. «Копия поють на Дунаи». Эти слова не имѣютъ отношенія къ плачу Ярославны, повидимому они намекаютъ на военныя дѣйствія, происходившія въ 1185 г. на Балканахъ: на переправу половцевъ черезъ Дунай и на возстаніе болгаръ противъ византійскаго владычества. Ниже встрѣчается фраза, построенная одинаково: **«дѣвицѣ поють на Дунаи»**, но она не имѣетъ отношенія къ словамъ «копия поють на Дунаи»: дѣвицы ликуютъ по поводу бѣгства Игоря изъ плѣна. **«Зегъзицею незнаема рано кычетъ»** и далѣе: **«полечю, рече, зегъзицею по Дунаеви»**. Зегъзица («зегъзиця») обычно переводится кукушкой. Нижеслѣдующія данныя служатъ основаніемъ для перевода зегъзицы кукушкой: 1) Ярославна, подобно кукушкѣ, кычетъ въ одиночествѣ (незнаема); 2) согласно Задонщинѣ: **«зогъзици кокують»**; 3) въ Причитаніяхъ Сѣвернаго Края Барсова плакальщица, жена рекрута себя сравниваетъ съ кукушкой, что жалобно и горько кукуетъ. Она, подобно Ярославнѣ, «поутру да поранехоньку» оплакиваетъ мужа — «ладу милую» и обращается съ ходатайствомъ о помощи къ «вѣтрамъ буйнымъ», къ «красному солнышкѣ» и къ «рѣкѣ быстрой». Но съ другой стороны нельзя не принять во вниманіе, что кукушка лѣсная, а не рѣчная птица, она надъ рѣкой не летаетъ, тогда какъ Ярославна выражаетъ желаніе полетѣть зегъзицей по Дунаю, поэтому возможно, что зегъзица не кукушка, а иная птица. По мнѣнію однихъ зегъзица — горлица, по мнѣнію другихъ — береговая ласточка и по мнѣнію третьихъ пугалица (она же чибись) изъ породы чаекъ. Отмѣтимъ, что горлица, подобно кукушкѣ, лѣс-

ная птица, а что касается ласточки (загозочки) и пигалицы (зигзички), то онѣ летаютъ надъ рѣкой стаями и кличь ихъ не раздается въ одиночествѣ. Предположеніе, что зозуля (кукушка) и зегзица того же корня, ошибочно: зозуля отъ глагола жужжать, тогда какъ зегзица звукоподражательное названіе птицы. Выраженіе «незнаемѣ» приводится въ Словѣ четыре раза: «велить послушати земли назнаемѣ», дважды «въ поли незнаемѣ» и «на поли незнаемѣ». «Незнаемѣ» краткая форма прилагательнаго въ дательномъ и предложномъ падежахъ и означаетъ «невѣдомой» и «невѣдомомъ». Что касается словъ «незнаемъ рано кычетъ», то «незнаемъ» не согласовано съ подразумеваемымъ именемъ Ярославны. Она «незнаема рано кычетъ», но Ярославна не въ невѣдѣніи о судьбѣ мужа: ей извѣстно, что онъ раненъ и въ плѣну. Въ приводимомъ текстѣ «незнаема» имѣетъ переносное значеніе: «незнаема» — «одинокка». Выраженіе «мужа не знаю» относится къ незамужней, къ одинокой. Ярославна «кычетъ» и «плачетъ». «Кыкати» значитъ кликать, вопить, слѣдовательно имѣется въ виду не обыкновенный плачь, а причитаніе. Ярославна карить и желить. Согласно повѣрью причитаніе наиболѣе действительно на восходѣ и на заходѣ солнца, поэтому Ярославна причитаеъ «рано», т. е. рано утромъ. Она выражаетъ желаніе полетѣть по Дунаю, омочить свой бобровый рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ и имѣ утереть кровавыя раны князя Игоря. Дунай личное имя, названіе опредѣленной рѣки, но иногда Дунай наименованіе нарицательное и имѣетъ значеніе собирательное. Для примѣра сошлемся на народную пѣснь «За рѣками, за Дуаями». Для того, чтобы достигъ Каялы, Ярославнѣ пришлось бы полетѣть по Дону, слѣдовательно она называетъ Донецъ Дунаемъ, очевидно относя его къ разряду «рѣкъ Дунаевъ». «На жестоцѣмъ его тѣлѣ» и выше «въ жестоцѣмъ харалузѣ ськованѣ». «Жестокий» значитъ жесткій, твердый, крѣпкій, а на жестоцѣмъ тѣлѣ — на мужественномъ, на могучемъ, на богатырскомъ тѣлѣ. Ярославна плачетъ на оградѣ города Путивля. Это восклицаніе повторяется три раза. Второе восклицаніе въ болѣе древней формѣ, чѣмъ первое и третье. Несомнѣнно, что въ первоначальномъ текстѣ всѣ три восклицанія были идентичными и гласили: «Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ», а не «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ». Ярославна обращается къ стихійнымъ силамъ природы, къ «вѣтру - Вѣтрилѣ», къ «Днѣпру Словутичу» и къ «свѣтлому и тресвѣтлому солнцу». Она ихъ заговариваетъ и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ бѣгству Игоря изъ плѣна. Выше вѣтры называются «Стрибожьими внуками». «Словутичъ» — сынъ Словуты, «словутый» значитъ знаменитый. Возможно, что Словута было именемъ или прозвищемъ языческаго божества. Дажьбогъ и Хорсъ были божествами «свѣтлаго и тресвѣтлаго» солнца. Выше княжеское достояніе и княжеское войско именуется «жизнью» и «силами» Дажьбожьего внука. Повидимому княжеская власть почиталась божественной. «Съ горь подь оболы въяти, лелѣючю кораблѣ на сини мори». Въ дошедшемъ до насъ текстѣ нѣтъ предлога «съ». «Съ горь» значитъ съ высотъ. Комментаторы замѣнили выраженіе «горь» выраженіемъ «горѣ», что значитъ въ высотѣ. Но вѣтеръ вѣетъ не въ высотѣ, а съ высотъ, иначе онъ не могъ бы покачивать корабли внизу на синемъ морѣ. «Простьре горячюю свою лучю». «Лучя» женскаго рода. Это слово сохранилось въ сербскомъ и въ болгарскомъ языкахъ въ значеніи сильнаго луча, т. е. лучища.

И. Спасскій (Журналъ Моск. Патріархіи за январь 1944 г.), пользуясь данными неизвѣстнаго намъ источника, сообщаетъ, что жена кн. Владиміра

Святославовича, старшаго сына в. кн. Святослава III Всеволодовича, навѣщала въ Путивлѣ Евфросинію Ярославовну и прилагала всѣ усилія, чтобы смягчить отчаяніе своей родственницы, у которой мужъ и сынъ оказались въ половецкомъ плѣну. Кн. Владиміръ Святославовичъ († 1201 г.) былъ женатъ съ 1178 г. на Пребранѣ, дочери в. кн. Михаила Юрьевича Владимірскаго и Суздальскаго († 1176 г.). Согласно однимъ источникамъ она носила христіанское имя Елены, а согласно Любецкому синодику ее звали Евдокіей, вѣроятно одно изъ этихъ двухъ именъ было ея иноческимъ именемъ. И. Спасскій ошибочно полагаетъ, что женой кн. Владиміра Святославовича была преподобная Евфросинія Суздальская, въ мѣрѣ Феодула (р. 1219 + 1250 гг.), тогда какъ въ дѣйствительности она была не женою, а внучатою племянницей кн. Владиміра Святославовича. Событія 1185 г. произошли задолго до ея рожденія. Она была дочерью св. Михаила Всеволодовича, в. кн. Кіевскаго и Черниговскаго (р. 6 авг. 1179 + 30 сентября 1246 гг.).

Игорь находился въ плѣну недолго. По словамъ лѣтописи «по малыхъ дняхъ ускочи Игорь князь у половець». Во время его бѣгства «соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ», слѣдовательно онъ бѣжалъ не позже іюня мѣсяца, до прекращенія соловьиного пѣнія. Во время боя на Каялѣ Игорь былъ раненъ копьемъ въ лѣвую руку, но его «кровавая рана», о которой беспокоилась Ярославна, была легкой: во время боя онъ оставался въ строю и, находясь въ плѣну, онъ въ сопровожденіи стражи ѣздилъ на соколиную охоту, рана не помѣшала ему бѣжать изъ плѣна.

Въ эпизодѣ бѣгства Игоря изъ плѣна упомянуть «комонь». «Комонь» въ именительномъ и въ винительномъ падежахъ единственнаго числа: «комонь». Въ приводимомъ эпизодѣ онъ въ винительномъ падежѣ. «Възвѣрже ся на бѣръзъ комонь и съскочи съ него, и босымъ вълкъмъ потече къ лугу Донця». Въ этомъ текстѣ «бѣръзый», т. е. быстрый конь противоплагается «босому» волку. Конь, когда скачетъ, производитъ топотъ, а волкъ передвигается безшумно, его поступь подобна походкѣ босого. Выраженіе «босый волкъ», еще недавно существовало въ говорѣ простонародья Орловской губерніи. Въ лѣтописи встрѣчается прозвище «Босоволка». Босоволка жилъ въ 14-омъ столѣтіи, согласно древнимъ родословцамъ онъ былъ родоначальникомъ дворянъ Хвостовыхъ. Прилагательное «босый» не имѣетъ никакого отношенія къ прилагательнымъ «бусовый» (сумрачный) и «бусый» (сѣрый). Волкъ всегда именуется въ Словѣ сѣрымъ, а не бусовымъ или бусымъ.

Донецъ и Стугна. Добрый Донецъ противоплагается злой Стугнѣ Донецъ сказалъ Игорю: «Не мало ти величія, а Конячку нелюбія (досады), а Русьской земли веселія». Донецъ оказалъ Игорю содѣйствіе во время его бѣгства изъ плѣна. Не такъ бы (не тако ли) сказала рѣка Стугна, имѣя слабое теченіе (худу струю), поглотивши чужіе ручьи и потоки (струи), распростертая къ устью (ростерена къ устью), она затворила юношу князя Ростислава. Какъ было указано выше, «ли» въ словахъ «не тако ли» не является вопросительной частицей союза «или», значить «бы» и встрѣчается въ цѣломъ рядѣ древне-русскихъ произведеній. Утвердительный союзъ «ли» приводится выше въ выраженіи «чи ли», что значить «если бы». «Струга» обычно ладья, но изъ текста, цитируемаго Ф. Мижлошичемъ: «възъмутъ рѣкы стругы своя», явствуетъ, что струга также носить значеніе струи, топка. Въ сербскомъ языкѣ «трнути» значить крыть: «трнути

очи» — закрыть глаза. «Распренути», или съ полногласіемъ «ростеренути», значитъ раскрыть, развернуть и въ переносномъ смыслѣ распространиться, разлиться. Въ неисправленномъ текстѣ слова «ростерена къ устию» искажены: «ростре на кусту». «На Днѣпрѣ, на тѣменѣ березѣ», эти слова неисправленномъ текстѣ также искажены: «Днѣпръ темнѣ березѣ». «Тѣмень», или «темень» значитъ «темянный», возвышенный, а вовсе не темный. Въ сербскомъ языкѣ «теме» означаетъ вершину, темя. Согласно лѣтописи в. кн. Анна оплакивала сына, Ростислава Всеволодовича, въ Кіевѣ. Кіевъ расположенъ на возвышенномъ (темянномъ) берегу Днѣпра, на «Кіевскихъ горахъ». Во 2-ой Новгородской лѣтописи встрѣчается текстъ: «поставиша избу новую, темянную», т. е. «построили избу новую, съ вышкой».

Во время бѣгства Игоря изъ плѣна вороны, галки и сороки призамолкли и «ло лозію полѣзошя», т. е. попрятались по прибрежнымъ зарослямъ ивы (лозы). Въ оригиналѣ «полѣзошя» безъ буквы «ѣ»: «ползоша», что является опіской. Это поврежденное слово не имѣетъ отношенія къ глаголу «ползти». Предположеніе, что «по лозію» — полозы, порода змѣй, неосновательный домысль. «Только дятлове тькѣтьмъ путь къ рѣцѣ кажиотъ». «Текнути» по сербски значитъ ткнуть. «Тькѣтъ» или «текотъ» — тыканье, долбленіе. «Тькѣтъ» обычно переводится стукомъ, что не совсѣмъ точно. «Тькѣтъ», подобно «клькѣту» и «щекѣту», охотничій терминъ.

Въ словахъ: «рече Кончакъ ко Гзѣ» и «рече Гзакъ къ Кончакови», а также выше: «рече Игорьъ къ дружинѣ своей» предлоги «ко» и «къ» позднѣйшія вставки. Можно «речи» кому и чему, но нельзя «речи» къ кому и къ чему. Этотъ искаженный оборотъ рѣчи встрѣчается также въ лѣтописи. Въ діалогѣ Кончака со Гзой Владиміръ Игоревичъ именуется «соколичемъ» — сыномъ сокола, а также «сокольцемъ» — молодымъ соколомъ, соколенкомъ. «Соколець» по нынѣ бытуетъ въ народныхъ пѣсняхъ.

«Рекъ Боянъ и ходи на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти», сильно испорченный текстъ. Слова въ немъ неправильно перестановлены и два слова пропущены. Исслѣдователи обратили «и ходы на» въ фантастическаго пѣснотворца «Ходыню». По мнѣнію однихъ комментаторовъ «хоти» является союзомъ «хстя», тогда какъ въ дѣйствительности «хоти» — «хоть» и въ родительномъ падежѣ, значитъ: «любимца». По мнѣнію другихъ комментаторовъ Боянъ былъ «хотью» — любимцемъ Олега Святославича, тогда какъ въ дѣйствительности Олегъ Святославовичъ былъ любимцемъ, т. е. героемъ Бояна. Объясненіе этого поврежденнаго текста слѣдующее: «и ходы» — исходъ. Рѣчь идетъ объ исходѣ Олега Святославовича изъ Чернигова въ 1096 г., что видно изъ приводимой авторомъ Слова поговорки Бояна: «тяжко вѣдъ, головѣ безъ плечъ, бѣда вѣдъ, тѣлу безъ головы». Въ этой поговоркѣ головой является Олегъ, а плечами и тѣломъ Черниговъ. До «Святъславля» пропущено «сына», а до «Ярославля» пропущено «внучка». Объ этомъ можно судить на основаніи лѣтописнаго текста о братѣ Олега, о Романѣ Святославовичѣ: «суть кости его (Романа) и доселѣ тамо лежаща, сына Святославля, внука Ярославля». «Коганъ» былъ хазарскимъ титуломъ. «Коганъ» значитъ ханъ. Владиміръ Святой, Ярославъ Мудрый и Олегъ Святославовичъ именовались «коганамы». Послѣдній носилъ этотъ титулъ въ качествѣ владѣтельнаго князя Тмутороканскаго. «Коганя» прилагательное въ родительномъ падежѣ. Это «темное мѣсто» въ восстановленномъ видѣ гласитъ: «Рекъ Боянъ на исходъ сына Святъславля, внучка Ярославля, хоти пѣснотворця Ольгова, коганя,

старого веремени», т. е. Боянъ сказаль по поводу исхода (изъ Чернигова) Святослава сына, Ярослава внука, любимца пѣснотворца прежняго, Олегова, коганова, времени. Далѣ слѣдуетъ вышеприведенная поговорка Бояна и поясненіе автора Слова къ этой поговоркѣ: «(такъ и) Русской землѣ безъ Игоря».

«Святѣи Богородицѣ Пирогощѣи». «Пирогощѣи» отъ греческаго слова «πυργισσα», что значить башенная. «Пирогощѣи» прилагательное въ дательномъ падежѣ. «Башенная», или Пирогощяя Богородица была фреской или мозаичнымъ образомъ надъ алтаремъ храма, заложеннаго в. кн. Мстиславомъ I Владиміровичемъ по случаю побѣды, одержанной имъ надъ половцами. Храмъ находился на спускѣ изъ Кіева къ Днѣпру, называемомъ Боричевымъ, онъ представлялъ собою церковь и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ городской башней. Игорь ѣздилъ въ Боричевъ съ цѣлью поклониться «Башенной» Богородицѣ, очевидно почитавшейся покровительницей отъ половцевъ.

Слово заканчивается возгласомъ: **«Княземъ слава, а дружинѣ... Аминь».** Указаніе, что именно заслуживаетъ дружина, отсутствуетъ, но это указаніе можно возстановить на основаніи другой двукратно повторяемой фразы: «ищуче собѣ чьсти, а князю славы». Повидимому переписчикъ случайно пропустилъ послѣ «дружинѣ» пояснительное слово: «чьсть». Что касается заключительнаго возгласа «аминь», то онъ означаетъ «правда», «вѣрно». Этимъ возгласомъ заканчиваются духовныя, а иногда и свѣтскія произведенія, напримѣръ Повѣсть объ Азовскомъ Сидѣннѣ. «Аминь» замѣняетъ неупотребительное въ древности выраженіе «конецъ». «Аминь» въ концѣ Слова вполне умѣстенъ и нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что «аминь» является позднѣйшимъ добавленіемъ къ тексту. По словамъ лѣтописи, въ сентябрѣ 1187 г. состоялась свадьба малолѣтнихъ кн. Святослава Игоревича и кнж. Ярославы Рюриковны. Тогда же вернулся изъ плѣна въ сопровожденіи жены и сына Владиміръ Игоревичъ. Обрадованный Игорь «сотвори ему свадьбу и вѣнча его съ дитятемъ». Владиміръ былъ «опутанъ» въ плѣну съ дочерью Кончака и имѣлъ отъ нея сына Изяслава. Крещеніе его жены «Свободы» Кончаковны и сына Изяслава и церковное вѣнчаніе съ нею состоялось по возвращеніи Владиміра на родину. Въ Любецкомъ синодикѣ Изяславъ Владиміровичъ носитъ христіанское имя Филиппа. Въ древней Руси существовалъ обычай давать крещаемому имя святого, который поминался въ день его крещенія. Если Изяславъ былъ нарѣченъ Филиппомъ, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ вѣроятно былъ крещенъ 11 октября въ день празднованія св. апостола Филиппа. Полагаемъ, что крестины и свадьба и связанное съ ними торжество состоялись 11 октября 1187 г., тогда же по этому случаю впервые было оглашено Слово о полку Игоревѣ. По даннымъ историка Татищева кн. Всеволодъ Святославовичъ вернулся изъ плѣна въ 1188 г. Въ старину годъ начинался съ 1-го сентябрю. На этомъ основаніи полагаемъ, что Всеволодъ Буйтуръ вернулся на родину въ концѣ сентябрю или въ началѣ октября 1187 г. одновременно со своимъ племянникомъ Владиміромъ Путивльскимъ. Слава Игорю Святославовичу, Буйтуру Всеволоду и Владиміру Игоревичу вѣроятно была возглашена во время торжества по случаю крестинъ и бракосочетанія. Всеволодъ въ ней упомянуть въ качествѣ присутствовавшаго на крестинахъ и на свадьбѣ, какъ родственникъ и какъ участникъ похода на половцевъ. Что касается Святослава Ольговича Рыльского, то онъ не упомянуть. Онъ повидимому вернулся изъ

плѣна позже другихъ князей, на свадьбѣ и на крестинахъ его не было, прославлять же плѣннаго было не принято. О Святославѣ — Борисѣ Рыльскомъ извѣстно, что онъ въ 1191 г. принималъ участіе въ другомъ походѣ Игоря на половцевъ (П. С. Р. Л. т. II, стр. 323). Въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаний о дальнѣйшей его судьбѣ. Въ 1223 г. въ Рыльскѣ княжилъ его сынъ Олегъ, слѣдовательно Святославъ Ольговичъ умеръ до этого года. По мнѣнію комментаторовъ, Слово было написано въ 1187 г. на томъ основаніи, что кн. Ярославъ Владиміровичъ Галицкій, умершій 1 октября 1187 г. и кн. Владиміръ Глѣбовичъ, умершій 18 апрѣля 1187 г., упомянуты въ немъ въ настоящемъ времени. Это обстоятельство приводитъ комментаторовъ къ заключенію, что Слово слагалось при жизни обоихъ князей. Но доводъ этотъ неоснователен: слова о современникахъ, объ Ярославѣ Осмомыслѣ Галицкомъ и о Владимірѣ Переяславльскомъ, авторъ Слова влагаетъ въ уста в. кн. Святослава III Всеволодовича, а не произноситъ ихъ отъ себя. Ясно, что в. кн. Святославъ не могъ обращаться къ Ярославу Галицкому и говорить о томъ, что происходитъ съ Владиміромъ Переяславльскимъ, въ прошедшемъ времени. Выше нами было отмѣчено, что прилагательное «старый» въ значеніи «прежній» встрѣчается въ Словѣ неоднократно. Ярославъ Мудрый и Владиміръ Мономахъ называются «Старыми» съ цѣлью ихъ отличить отъ современныхъ князей, отъ Ярослава Черниговскаго и Ярослава Галицкаго и отъ Владиміра Переяславльскаго и Владиміра Путивльскаго. Авторъ Слова, спѣвши пѣснь о «старыхъ», т. е. о прежнихъ князьяхъ, предлагаетъ пѣть о «молодыхъ», т. е. о теперешнихъ, или современныхъ князьяхъ, и приводя свое намѣреніе въ исполненіе, онъ возглашаетъ славу Игорю Святославовичу, Буйтуру Всеволоду и Владиміру Игоревичу, ведущимъ борьбу за христіанъ противъ нечестивыхъ полковъ.

Кн. Игорь Святославовичъ былъ сыномъ кн. Святослава Ольговича Черниговскаго († 1164 г.). Кн. Святославъ Ольговичъ былъ женатъ трижды. Его первой женой была дочь половецкаго хана Лепы, онъ вступилъ съ нею въ бракъ въ 1107 г. Его второй женой была дочь новгородскаго посадника Петрилы (Петра), онъ на ней женился въ 1136 г. Его третью жену звали Екатериной, онъ на ней вѣроятно женился въ 1147 г., она умерла въ апрѣлѣ 1166 г. Историкъ Татищевъ ошибочно называетъ вдову кн. Святослава Ольговича Маріей, тогда какъ изъ Любечскаго синодика явствуетъ, что ее звали Екатериной. Маріей повидимому звали его вторую жену. Отъ перваго брака у Святослава Ольговича былъ сынъ кн. Олегъ Святославовичъ Сѣверскій († 18 янв. 1180 г.) и дочь, вышедшая замужъ 9 янв. 1148 г. за кн. Романа Ростиславовича Кіевскаго и Смоленскаго († 14 іюня 1180 г.), за брата кн. Рюрика Овручскаго, кн. Давида Смоленскаго и кн. Мстислава Новгородскаго. Кн. Олегъ Святославовичъ Сѣверскій былъ своднымъ братомъ кн. Игоря Святославовича, былъ женатъ дважды: въ первомъ бракѣ онъ состоялъ съ 1150 г. съ дочерью в. кн. Юрія Владиміровича и во второмъ бракѣ онъ состоялъ съ 19 іюня 1165 г. съ дочерью в. кн. Ростислава I Мстиславовича, съ княж. Аграфеной. Она была сестрою вышеупомянутыхъ князей Романа, Рюрика, Давида и Мстислава. Его сынъ отъ второго брака Святославъ Ольговичъ Рыльскій (род. 1167 † послѣ 1191 гг.) былъ участникомъ похода Игоря на половцевъ. Жену Святослава - Бориса Ольговича Рыльскаго звали Анастасіей, его сыновья впоследствии княжили въ Рыльскѣ и въ Курскѣ. Отъ второго брака Святослава Ольговича Черниговскаго съ Маріей Петровной у него повидимому дѣтей не было. Отъ брака же третьей женой, съ Екатери-

ной, у него была дочь Марія и сыновья Игорь, во святомъ крещеніи Георгій, и Всеволодъ. Кнж. Марія Святославовна (род. 2 авг. 1149 + 1189 гг.) вышла замужъ въ 1161 г. за Ярополка Изяславовича Бужскаго (+ 7 марта 1170 г.). Ингварь, Всеволодъ и три Мстиславича ей по мужу приходились племянниками. Игорь Святославовичъ (род. 10 апр. 1151 + 1202 гг.) женился около 1169 г. на дочери кн. Ярослава Осмомысла Владиміровича Галицкаго. Въ примѣчаніяхъ къ первому изданію Слова она именуется Евфросиніей, въ лѣтописяхъ ея имя не указано. Въ Любецкомъ синдиксѣ упомянуть в. кн. Ѳеодосій Черниговскій и княгиня его Евфросинія. Полагаемъ, что эта запись относится къ Игорю и къ его женѣ. Игорь могъ быть нарѣченъ въ иночествѣ Ѳеодосіемъ. Въ тѣхъ же примѣчаніяхъ къ первому изданію Слова сказано, что Евфросинія была второй женой Игоря и что она будто бы вышла за него замужъ въ 1184 г. Оба указанія ошибочны: Игорь Святославовичъ былъ женатъ только одинъ разъ. Въ лѣтописи подъ 1183 г. братъ Ярославны Владиміръ Галицкій называется шуриномъ Игоря. Сыновья Игоря княжили въ Галичѣ съ 1206 по 1211 гг., что доказываетъ, что они были сыновьями, а не пасынками Ярославны. До 1180 г. Игорь и Всеволодъ состояли на службѣ у в. кн. Святослава III Всеволодовича, были его сыновцами т. е. подручными князьями. Въ 1180 г. по смерти своего своднаго брата Олега Святославовича Сѣверскаго Игорь вступилъ во владѣніе Новгородомъ Сѣверскимъ и Путивлемъ, а въ 1198 г. по смерти своего двоюроднаго брата кн. Ярослава Всеволодовича Черниговскаго онъ вокняжился въ Черниговѣ. Братъ его Всеволодъ, по прозванію Буйтуръ или Яртуръ, въ 1180 г. вокняжился въ Трубечѣ (нынѣ Трубчевскъ), онъ былъ женатъ на дочери в. кн. Глѣба Юрьевича Кіевскаго и Переяславскаго († 20 янв. 1172 г.), на Ольгѣ Глѣбовнѣ. Всеволодъ Трубецкій умеръ 17 мая 1196 г. По словамъ лѣтописца Всеволодъ Трубецкій былъ «во Олговичѣхъ всихъ удалѣ рожаемъ и воспитаніемъ и возрастомъ и всею добротю мужьственною доблестію и любовію имѣюща ко всимъ». Въ лѣтописи подъ 1232 г. упоминается его сынъ кн. Святославъ Трубецкій. У Игоря Святославовича отъ брака съ Ярославной было 5 сыновей и дочь. Старшимъ сыномъ былъ кн. Владиміръ Путивльскій, впоследствии кн. Галицкій. Согласно Ипатіевской и Ермолинской лѣтописямъ онъ родился 8 окт. 1172 г., но эти же лѣтописи сообщаютъ, что Владиміръ родился въ годъ осады суздальцами Новгорода, т. е. въ 1170 г., что болѣе правдоподобно, принимая во вниманіе его возрастъ въ 1185 г. во время похода на половцевъ. Въ датахъ рожденія братьевъ Владиміра Игоревича эта двухлѣтняя ошибка повторяется. Въ 1187 г. по смерти Ярослава Осмомысла въ Галичѣ начались смуты и войны. Его старшій сынъ Владиміръ Ярославовичъ Галицкій умеръ въ 1199 г., сыновья его бѣжали въ Венгрію и оттуда уже не вернулись, сводный братъ его Олегъ Ярославовичъ умеръ до него въ 1189 г. По этой причинѣ Галичъ перешель во владѣніе къ внукамъ Ярослава Осмомысла, къ сыновьямъ его дочерей. Въ 1206 г. въ Галичѣ вокняжились сыновья Игоря и Ярославны. Въ 1211 г. послѣ бѣгства изъ Галича Владиміра Игоревича и его сына Изяслава Теревольскаго и убійства его братьевъ Романа Игоревича Звенигородскаго и Святослава Игоревича Перемышльскаго претендентомъ на Галицкій престолъ явился Мстиславъ Мстиславовичъ Удатный (Удалой) кн. Новгородскій († 1228 г.). Онъ былъ сыномъ Мстислава Ростиславовича Храбраго, кн. Новгородскаго († 13 іюня 1180 г.) отъ его перваго брака. Мать Мстислава Удатнаго вѣроятно также была дочерью Ярослава Осмомысла, что давало ему право на Галицкій пре-

столь. Онъ вокняжился въ Галичѣ въ 1218 г. У Ярослава Осмомысла были три дочери, одна изъ нихъ была обручена въ 1167 г. съ королемъ Венгерскимъ Стефаномъ III, но бракъ съ нимъ разстроился. Полагаемъ, что она въ послѣдствіи вышла замужъ за кн. Мстислава Ростиславовича Храбраго и была матерью кн. Мстислава Мстиславовича Удатнаго.

Олеѣ Гориславичѣ. Авторъ Слова прозываетъ кн. Олега Святославовича (род. около 1050 † 1 июля 1115 гг.) Гориславичемъ. «Гори» форма творительнаго падежа множественнаго числа, слѣдовательно прозвище Гориславича въ дословномъ переводѣ на современный русскій языкъ значитъ: «горями славившійся». Это прозвище встрѣчается неоднократно въ древнерусскихъ источникахъ. Одна изъ женъ Владиміра Святого Рогнѣда Полоцкая носила прозвище Гориславы. Въ Моленіи Даниіла Заточника Переяславль прозывается Гориславлемъ. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1228—1244 гг. упоминаются братья Богуславъ, Вячеславъ и Гавріиль Гориславичи. Въ комментаріяхъ къ Слову нерѣдко приходится встрѣчаться съ неправильнымъ утвержденіемъ, что Олеѣ Святославовичъ именуется Гориславичемъ вслѣдствіе того, что его мнимая прабабка Рогнѣда Рогволодовна носила прозвище Гориславы. Въ лѣтописи имѣется указаніе, что Ярославъ Мудрый, дѣдъ Олега Святославовича, будто бы былъ сыномъ Рогнѣды, но имѣется и другое, согласно которому у Рогнѣды былъ всего лишь одинъ сынъ Изяславъ. По даннымъ лѣтописи Ярославъ Мудрый умеръ 20 февр. 1054 г., достигши 76 лѣтняго возраста, слѣдовательно онъ родился въ 977 г. за два или три года до взятія Владиміромъ Святымъ Полоцка, по этой причинѣ онъ не могъ быть сыномъ Рогнѣды. Болѣе правдоподобно, что онъ, подобно своему брату Вышеславу, былъ сыномъ норманки Олавы. Олеѣ Святославовичъ носить въ Словѣ прозвище Гориславича вслѣдствіе того, что своими усобицами причинилъ Русской землѣ много горя.

Кн. Рюрикъ Ростиславовичъ Овручскій семь разъ вступалъ на Кіевскій великокняжескій престоль и шесть разъ былъ вынужденъ его покинуть. Согласно историку Татищеву, Рюрикъ Ростиславовичъ умеръ 19 апр. 1211 г. въ Кіевѣ, находясь на великомъ княженіи. Полагаемъ, что годъ смерти, сообщаемый Татищевымъ не совсѣмъ точный и что Рюрикъ Ростиславовичъ умеръ 19 апрѣля 1210 г., а не въ 1211 г. По его смерти в. кн. Всеволодъ IV Святославовичъ Кіевскій и Черниговскій, по прозванію Чермный, вступилъ въ третій разъ на Кіевскій великокняжескій престоль. Тогда же въ 1210 г. состоялось его примиреніе съ союзникомъ Рюрика Ростиславовича, съ в. кн. Всеволодомъ III Юрьевичемъ Владимірскимъ и Суздальскимъ. Въ апрѣлѣ 1211 г. кнж. Агаѳія Всеволодовна, дочь в. кн. Всеволода IV Святославовича отъ его второго брака вышла замужъ за кн. Юрія Всеволодовича, сына в. кн. Всеволода III Юрьевича. По даннымъ Татищева ее встрѣчали при проѣздѣ черезъ Черниговъ и упошаль Рюрикъ Ольговичъ. Онъ былъ племянникомъ Всеволода Святославовича и княжилъ въ Черниговѣ съ 1210 по 1212 г. Сынъ Рюрика Ольговича провожалъ невѣсту Юрія Всеволодовича до Коломны. Согласно статьѣ С. Руссова «Рюрикъ и Русскіе» въ его Воспоминаніяхъ на 1832 г., Рюрикъ Ольговичъ княжилъ въ 1205 г. въ Новгородѣ Сѣверскомъ. Относимъ это княженіе къ 1206 по 1210 гг., ко времени нахождения Владиміра Игоревича въ Галичѣ. По вступленіи Всеволода Святославовича въ 1210 г. на Кіевскій великокняжескій престоль Рюрикъ Ольговичъ вокняжился въ Черниговѣ. Въ Лаврентіевской лѣтописи имѣется ошибочное указаніе, что в. кн. Рюрикъ II Ростиславовичъ Кіевскій умеръ въ 1215 г.,

находясь на княженіи въ Черниговѣ. Отмѣтимъ по этому поводу, что Черниговъ былъ удѣломъ Ольговичей, а не Мономаховичей и что по этой причинѣ Рюрикъ Ростиславовичъ не могъ княжить въ Черниговѣ. Это неправильное указаніе къ сожалѣнію повторяется въ цѣломъ рядѣ историческихъ трудовъ и въ комментаріяхъ къ Слову. Что касается в. кн. Всеволода IV Святославовича, то въ 1212 г между нимъ и Монаховичами старшей вѣтви возникла распря, въ результатѣ которой ему пришлось бѣжать изъ Кіева въ Черниговъ, гдѣ онъ и умеръ. Полагаемъ, что ошибочное указаніе о смерти в. кн. Рюрика Ростиславовича въ 1215 г. въ Черниговѣ, въ дѣйствительности относится къ в. кн. Всеволоду IV Святославовичу, умершему въ сентябрѣ 1214 г. въ Черниговѣ.

Imprimerie ALON
35, rue de la Harpe - Paris 5^e

